

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. А. Дониша

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Вып. X (1970 год)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Б. А. ЛИТВИНСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1973

ИССЛЕДОВАНИЯ В СЕВЕРНОМ ТАДЖИКИСТАНЕ В 1970 г.

В 1970 г. Северо-Таджикистанский отряд Таджикской археологической экспедиции Института истории имени А. Дониша АН Тадж. ССР проводил свои полевые работы на ряде объектов древней Уструшаны и Ходжента¹.

Отметим коротко содержание работ за 1962-1969 гг.

В 1962 г. были завершены раскопки Чилдухтарон. Здесь на гребне горы, господствующей над городищами Калаи Кахкаха, располагается ансамбль каменных построек, возникший и функционировавший в IX-XI вв. Он включает семикомнатный жилой дом, разделенную на несколько секций металлическую мастерскую, "малую" и "большую" мечети, две группы хозяйственных и кухонных помещений, парадную, открытую во двор лоджию и около десяти крытых и открытых мавзолеев с одиночными и групповыми захоронениями. Это целый ансамбль с гражданскими, производственными, мусульманскими культовыми и мемориальными постройками. Раскопки его дали серию образцов поливной керамики, великолепные памятники теревтики и многое другое.

В 1961-1966 гг. осуществлены раскопки крупного пригородного раннесредневекового феодального замка Чилхудра - великолепного двухэтажного здания хорошей сохранности с мощными стенами, укрепленными угловыми башнями и укрепленным же особыми стенами и башнями двориком с хозяйственно-жилимыми помещениями. Парадные "малый" и "большой" залы второго этажа замка были украшены настенной живописью, резными деревянными колоннами и потолками. Чилхудра имеет единственный в своем роде великолепно сохранившийся бесступенчатый круглый пандусный подъем, ведущий на второй этаж и на крышу здания. Здесь же найдены три замечательные согдийские надписи на дощечках, фрагменты деревянной скульптуры с человеческими головами, золотой бракетт, коллекция деревянных ложек, фрагмент древнейшего в Таджикистане музыкального инструмента и пр.²

В 1963, 1967-1969 гг. производились раскопки двух

групп помещений северного жилого и ремесленного квартала городища Калаи Кахкаха I, давшие очень интересные материалы³. Раскопки этого квартала будут продолжены в будущем.

Последние годы была исследована целая "зона молчания", расположенная к востоку от селения Шахристан. Здесь расположена большая группа естественных всхолмлений, в которые были впущены захоронения без какого-либо выделения могильных ям и без сопровождающего покойников инвентаря. Раскопки и более подробное изучение самого высокого холма этой группы — Чоршохатепе — привели нас к выводу, что перед нами своего рода "дахма молчания", конструкция которой оказалась примерно такой: естественный холм предварительно вертикально обрезан по краям и превращен в ровный прямоугольник, который взят со всех сторон в пахсовый кожух значительной высоты, а затем весь верх холма и кожуха перекрыт рядами плотных длинных пахсовых поясов, уложенных в перевязку. Таким образом был получен монолитный высокий кубический, чуть ссужающийся вверху, объем, на вершине которого, надо думать, находилось самое венчание "дахмы" с ее, к сожалению, не дошедшими до нас собственно обрядовыми сооружениями.

В 1966 г. были проведены раскопки ряда могильных сооружений кладбища Кахкаха I, расположенного у северного подножия городища Калаи Кахкаха I. В 1968 г. здесь же рядом вскрыты остатки очень плохо сохранившейся постройки, может быть, мазара. Впоследствии раскопки этого кладбища были продолжены Таджикской этнографической экспедицией МГУ имени М.В.Ломоносова под руководством С.П.Полякова.

В 1963–1967 гг. проводились раскопки горного селения Хон Яйлов ("ханское пастбище") и прилегающих к нему двух синхронных кладбищ Хон Яйлов и Мачитли в ущелье Актанги северного склона Туркестанского хребта. Здесь вскрыто около 100 жилых и хозяйственных помещений, составляющих семь комплексов, часть центральной улицы селения и около 40 погребальных сооружений. Из четырех полностью раскопанных комплексов селения три представляют собой отдельные здания со своей законченной многокомнатной планировкой, единым входом, а два из них имеют еще и дворовые участки. Перед нами по всем признакам типичные сельские дома частных вла-

дельцев. В южной части селения расположена отдельная постройка, включающая обширный зал с айваном и мелкими помещениями, в целом, видимо, выполнявшая общественные функции, подобно позднейшим сельским "аловхона". В планировке остальных вскрываемых частей селения обращает внимание наличие значительного количества изолированных секций из одной, двух и трех комнат, но лишь часть из них снабжена своими очагами для варки пищи, хозяйственными закромами и ямами.

Керамика из Хон Яйлова двух типов: а) высококачественная неполированная и полированная, сделанная на гончарном круге и б) лепная, ручной выделки, часто расписанная красной краской. Имеются керамические маслобойки, около сотни каменных зернотерок, несколько ручных жерновов, предметы из железа, украшения, монеты. Все находки укладываются в пределах IX-XIII вв. Обнаружено много костей животных, пока еще не изученных специалистами. В целом перед нами крупный сельский поселок горной Уструшаны времени развитого феодализма со скотоводческим укладом хозяйства его населения⁴. Раскопки селения Хон Яйлов в 1971 году будут продолжены.

В 1962 г. были проведены топографические съемки около трех десятков холмов западной части Шахристанской котловины между селениями Карапчи, Янгикурган и Увак. Здесь оказался целый земледельческий оазис с многочисленными замками феодалов и усадьбами крестьян. В 1969 г. на одном из интереснейших памятников этой зоны - Топтемиртепа были начаты раскопки. Памятник этот расположен между руслами двух древних каналов, в 5 км к востоку от кишлака Увак, он квадратен в плане, состоит из центрального холма и окружающего двора с мощными валами стен, воротами и предвратным лабиринтом в середине северной стены⁵. Здесь за один полевой сезон вскрыта группа помещений западной части центрального холма. Раскопки на Топтемиртепа будут продолжены.

В 1962 г. группой Северо-Таджикистанского отряда была осуществлена первая археологическая разведка в высокогорную долину Ягноб-Дарьи, где были зафиксированы и описаны восемь каменных замков и крепостей, а также ряд эпиграфических памятников.

В 1965-1969 гг. проводились раскопки холма Актепа в Науском районе. Хотя памятник был известен в науке уже

давно, однако широкие раскопки на нем начаты впервые. Холм Актепа представляет собой остатки главного здания большого раннесредневекового компактного селения, многочисленные всхолмления которого были разобраны уже давно при строительстве дороги и планировке хлопковых плантаций. Как показывают раскопки, холм в своем ядре содержит остатки весьма мощного замка с угловыми прекрасно сохранившимися башнями и сложной системой подземных лабиринтов-ходов. Впоследствии замок этот со всех сторон был обстроен другими, тоже монументальными, постройками, а центральное ядро превращено в своего рода культовый центр — дом огня.

В 1965 г. проведены пробные раскопки на холме Караултепа между поселками Чау и Пролетарск. Здесь расчищена часть хорошо сохранившегося коридорообразного сводчатого помещения. Раскопки памятника пока приостановлены.

В 1962–1964 гг. на широкоизвестном городище Мугтепа, цитадели г.Ура-Тюбе, были проведены раскопки развалин бекского дворца X–XII вв. в западном углу городища и комплекса большой мечети того же времени в центре городища. Кроме того, изучалась фортификация ряда поздних крепостей Северного Таджикистана (Навканда, Хитой Реза и др.).

В 1962, 1965–1966 гг. производились исследования на территории города Канибадама, где изучались поздняя историческая топография города, сохранившиеся до нашего времени архитектурные памятники, один из которых — медреса Мир Раджабодхо, подвергнут исследованиям и инструментальным измерениям. На территории города заложены 23 небольших стратиграфических шурфа, давших значительный материал к характеристике истории и культуры города в средние века и новое время, решивших одновременно вопрос о локализации раннесредневекового города Канда в центральной части современного города.

В 1963 г. было осуществлено археолого-архитектурное изучение памятников крупного средневекового селения Сомгор. Здесь подвергнуты съемкам, описанию и шурфовке Сомгорское городище, изучался и обмерен Сомгорский Гумбаз⁶.

В течение 60-х годов продолжались раскопки весьма интересных памятников Северо-Западной Ферганы, в пределах современного Аштского района — холмы Тудан Калон, Тудан Хурд,

Калаи Афрасиаб, курганы Дашти Ашта. Более ранний по времени Тудай Хурд представлял из себя, по-видимому, несохранившийся до нас замок на шестиметровой высоте стилобате, сменившийся во втором строительном периоде храмовым комплексом с двумя восьмиколонными залами. Поселение Тудай Калон укладывается в хронологические рамки трех-четырех столетий, начиная примерно с III–IV вв. н.э. Первоначально это – крепость с двухэтажными квадратными башнями по углам, позже превращенная в двухъярусный замок. Вопросы датировки красноглибованной керамики с обоих памятников в настоящее время находятся в стадии изучения. Полученные на поселении Калаи Афрасиаб стратиграфические данные охватывают время от первых веков н.э. до раннего средневековья включительно ⁷.

В целом исследования Северо-Таджикистанского отряда как за предыдущий период (1954–1961 гг.), так и в 1962–1969 гг. позволили выполнить ряд крупных, в значительной степени обобщающих работ по истории, археологии, культуре и искусству прошлого Северного Таджикистана ⁸.

После значительного перерыва археологических исследований в Ходженте–Ленинабаде, связанного с необходимостью направления основных усилий и средств отряда на раскопки развалин столицы Уструшаны города Бунджиката и других памятников в районе Шахристана, были возобновлены работы Ходжентской группы. Последние проводились в трех направлениях: а) продолжалась шурфовка территории города ⁹, б) проведена шурфовка Ленинабадского предместья Чорсу и в) начат сбор устного расспросного материала и выявление местонахождения ходжентских мадраса.

Как известно, в течение 1954–1957 гг. на территории города Ленинабада с целью изучения исторической топографии и получения археологического материала по истории, экономике и культуре города в его присырдарьинской полосе были заложены 16 стратиграфических шурфов. В 1970 г. произведена закладка двух новых шурфов–№ 17 и № 18.

Шурф № 17 (табл. 7), размером 3 x 3 м, заложен в центральной части города, на площади между мавзолеем Шайха Муслихиддина и центральным городским рынком. Толщина культурного слоя в данной части города оказалась равной 4,2 м

и прекратилась в начале IX яруса (каждый ярус равен 0,5 м глубины). Первый (сверху) ярус и мусорная яма полуметровой глубины и ширины, спущенная с этого уровня, содержала обильный керамический бой этнографического времени; по рассказам старожилов, здесь лет 30-40 назад была мастерская по продаже гончарных изделий.

В II, III и верхней половине IV ярусов такое же, как и в верхнем ярусе, заполнение: лёсс коричневого цвета с небольшими гумусными и зольными прослойками, камни разных размеров, обломки прямоугольных жённых кирпичей (? x 12x3,5 см), куски истлевшего дерева, угли. С нижней части II яруса спущена вторая хозяйственная яма, оказавшаяся ничем не примечательной. Встречено много поливной и неполивной битой керамики, примерно в одинокровом соотношении. Это фрагменты хумов, кувшинов станковой выделки, широкогорлых сосудов, лепных, подправленных на гончарном круге котлов, крышек сосудов. Среди поливной керамики особого упоминания заслуживает фрагмент большого глубокого блюда отличной станковой выделки, из хорошо отмученного теста, равномерного обжига, со сложной полихромной растительно-геометрической и линейной орнаментальной росписью фиолетово-черного цвета по белому поливному фону на внутренней поверхности и с более упрощенным орнаментом, состоящим из горизонтальных прямых и волнистых линий, растительного узора и геометрических кругов. Вся эта керамика относится к позднему средневековью.

Нижняя часть IV, V и VI ярусы представляли собой мощный гумусный слой, включающий два толстых зольных пятна, расположенных друг над другом, общей толщиной 1,5 м и большое пятно обогащенной земли. Весь этот слой обильно насыщен керамикой. Среди поливной керамики преобладают фрагменты блюд и мисок. Все они выполнены на быстро вращающемся круге, очень качественны, из хорошо отмученной глины, хорошего обжига. Плоскодонных блюд и мисок не обнаружено. Донца в основном имеют плоский поддон, значителен процент и с кольцевым поддоном. Поверхности примерно половины донцев имеют однотонную, гладкую, ярко-зеленую и болотно-зеленую глазурь. Другая половина встреченных донца имеет растительно-геометрический орнамент, выполненный черной глазурью по голубому фону. Есть донца с белой глазурью и с частыми

светло-голубыми и ярко-голубыми полосками, донца с перпендикулярными зелеными полосками и между ними поле с квадратом гладкой коричневой глазури по желтому фону. Имеются фрагменты стенок высококачественных крупных блюд с гладкой голубой глазурью на внутренней поверхности. На нескольких фрагментах частично покрыты глазурью и наружные края блюд, на двух фрагментах имеется орнамент в виде концентрических кругов черного цвета. Найдены обломки стенок блюд с белым глазурным фоном и растительным орнаментом темно-синего цвета с черными контурами на внутренней поверхности, фрагменты венчиков блюд с двусторонней голубой глазурью с черной полоской по краю и фрагменты с бирюзовой глазурью и темно-зеленой полоской по краю. Среди неполивной керамики указаны ярусов имеются фрагменты стенок тонкостенного кувшина станковой работы хорошего обжига с прочерченным желобчатым орнаментом и мелкими блестками слюды; фрагменты станковых блюд и мисок, котлов ручной и станковой работы. Интересен обломок отформованного очажка с эпиграфическим и геометрическим орнаментом из рельефных валиков, а в центре лицевой стороны в прямоугольнике геометрический орнамент.

Отметим находку в конце IV яруса обломков облицованного кирпича в виде усеченной пирамиды с ярко-голубой глазурью на лицевой стороне. Обломки облицовочных глазурованных кирпичей зафиксированы и в V ярусе. В VI ярусе найдены две медные монеты. Одна из них любезно определена Е.А.Давидович как караханидская XII в.

Керамический комплекс ярусов IV-VI относится к XII-XV вв. В ярусе VII встречено небольшое количество находок, среди которых имеется жжёный кирпич 20 x 13 x 3 см, единичные фрагменты поливной керамики, больше-невзрачных обломков неполивных сосудов, которые, ориентировочно, можно отнести к IX-X вв.

Находок ниже VII яруса в шурфе обнаружено меньше. С уровня этого яруса вниз спущена третья по счету в шурфе яма. Культурный слой оканчивается очажным пятном в начале IX яруса. Ниже начинается материковый стерильный грунт - лёсс. Керамику нижних ярусов можно отнести к IX-XII вв. Строительных остатков в шурфе не встречено.

Шурф № 18 (табл. 8) заложен в юго-западной части

города, в старом квартале Пахтакашон, на месте старого кладбища, расположенного внутри городской стены начала ХУШ в., недалеко от ворот Чорчирог, во дворе средней школы № 17.

Шурф раскопан на глубину 4,5 м, но до материка не доведен. Верхние два метра культурного слоя дали перекопанный грунт с множеством ям, в которых в беспорядке сброшены кости погребенных. Вскрыто и одно целое катакомбное детское захоронение. У изголовья ребенка в беспорядке свалены кости взрослого человека, видимо, ранее находившегося в этой катакомбе. Ориентация детского скелета головой на север, а лицом на запад. Оба черепа с примесью монголоидных черт. В культурном слое этих четырех верхних ярусов керамика позднего средневековья, тимуридского и саманидско-караханидского времени. В ярусе II найдена половинка медной монеты, по определению Е.А.Давидович, — саманидская второй половины X в., которая могла обращаться до начала XI в. включительно.

Пятый ярус дал довольно большое количество керамики, относящейся к периоду IX—X вв.

В VI—IX ярусах встречены единичные невыразительные фрагменты стенок сосудов. Среди них есть с ангобным покрытием, характерным для эпохи раннего средневековья.

Кишлак Чорсу расположен в 5–6 км к югу от города Ленинабад, на абсолютно равнинной местности и не имеет никаких внешних признаков наличия древних поселений в виде остатков всхолмлений. По рассказам стариков, в момент создания здесь колхоза имени М.В.Фрунзе (1931 г.) и закладки построек современного кишлака в данной местности было два старых кладбища: одно у перекрестка дорог Ленинабад—Чорсу—Гозиён, а другое — на противоположной, западной стороне кишлака, около разрушившегося мазара.

С учетом этих сведений была намечена закладка серии шурфов в различных частях кишлака Чорсу, в том числе на месте указанных кладбищ.

Ориентация шурфов велась по странам света, размеры — 2х2 м, раскопки велись поярусно /0,5 м/ (табл.9–10).

Шурф I заложен перед колхозным гаражом у центральной улицы кишлака. Он продолжил в глубину вырытую здесь метро-

вую яму для изготовления кирпича. На стенах ямы были видны куски обожжённой земли, было извлечено несколько фрагментов поливной керамики XIX – начала XX вв. Шурф раскопан на глубину 3,85 м. Заполнение шурфа – влажный лёсс типа суглинки, темно-коричневого цвета. До глубины 3,10 м в заполнении шурфа встречались немногочисленные, очень мелкие фрагменты посуды XIX–XX вв., среди которых преобладает поливная керамика. Она изредка встречается на всей глубине шурфа до 3,10 м. Ниже находки полностью прекращаются. Строительных остатков не встречено. На глубине 3,60 м начался материковый галечник, на глубине 3,85 м работы здесь прекращены.

Шурф 2 заложен на территории колхозного гаража. До глубины 0,5 м по всей площади шурфа идет искусственная платформа из гравия, сделанная при постройке гаража. Ниже заполнение шурфа составляет влажный темно-коричневый лёсс типа суглинки. На глубине 0,9 м прослежены отдельные прослойки красноватой и светло-серой глины толщиной 2–5 см. На глубине 1,15 м почти по всей площади шурфа идет прослойка светло-серой глины с отдельными вкраплениями красноватой глины толщиной в 5 см, а в с-в углу шурфа зафиксировано небольшое песочное пятно. Шурф доведен до глубины 2 м. В нем обнаружено всего 8 обломков поливной и неполивной керамики этнографического времени. В четвертом ярусе найдены кости крупного рогатого скота (коровы?) и фрагменты неопределяемого железного изделия. Строительных остатков не встречено.

Шурф 3 заложен в саду у колхозного склада и раскопан на глубину 2 м. Сверху на глубину одного штыка лопаты идет перекопанный грунт сада, а ниже на всю перекопанную глубину – очень твердый грунт из сухого светло-серого лёсса без всяких вкраплений. Шурф также дал немного материала: мелкие фрагменты поливной и неполивной керамики этнографического времени. Она встречается на всей глубине шурфа. Изредка находились мелкие кости животных и уголь. Строительных остатков нет.

Шурф 4 заложен в юго-восточном углу колхозного стадиона. По характеру грунта и находок он оказался аналогичным шурфу 3. Сверху на глубину 0,3 м идет искусственная лёссовая платформа стадиона, а ниже очень твердый светло-

серый сухой лёсс. Небольшие линзы чистого серого песка встречено в ю-в углу шурфа на глубине 0,75 м и в южной части шурфа на глубине 2,80 м. Шурф раскопан на глубину 3,60 м. На этой глубине по всей площади шурфа пошел слой галечника. Керамика с преобладанием поливной встречалась до глубины 3 м. Седьмой ярус и слой галечника никаких находок не дали. Строительных остатков в шурфе нет.

Шурф 5 заложен в западной части современного кладбища, в восточной части Чорсу. Он доведен до глубины 4 м. Строительных остатков в нем нет. Но своими напластованиями он, видимо, интересен для почвоведов. Сверху на глубину 0,3 м идет насыпной грунт-выброс от рядом расположенного современного хауза. Ниже, до глубины 2 м, идут, сменяя друг друга полностью или частично, по всей площади шурфа довольно тонкие слои песка, лёсса, чистой глины и, изредка, супеси. Слой песка и глины — стерильные, в лёссовых прослойках 2-4 ярусов встречаются фрагменты поздней керамики, среди которой преобладает поливная.

Характер находок в шурфе меняется с начала 5 яруса. Резко увеличивается количество керамики, меняется ее характер, полностью исчезает поливная керамика. Слой этот относится ориентировочно к X-XII вв. В ярусе 6 керамика количественно уменьшилась, но ее характер тот же. Значительная часть посуды станковой выделки, но имеются и грубоизготовленные, хрупкие и легколомающиеся красноглиняные хумы, с примесью галечника в тесте. В ярусе 5 найдены два фрагмента крупного лепного сосуда, типа оссуария, со штампованным орнаментом в виде крестиков в круге; венчики хумов, донца сосудов, два донца миниатюрных кувшинов.

Напластования ярусов 5 и 6 шурфа представляют собой хорошо выраженный культурный слой: здесь есть небольшие зольники, пятна обожженной земли, а в ярусе 6 — довольно толстые гумусные прослойки, небольшие угольные пятна и отдельные мелкие угольки; в ярусе 5 значительную часть заполнения шурфа составляет галечник, также обильно насыщенный керамикой; в ярусе 6 наибольшее количество фрагментов керамики встречается в гумусных прослойках. Данный культурный слой располагается на глубине от 2 до 3,2 м. К сожалению, он оказался без строительных остатков.

На глубине 3,2 м по всей площади шурфа, за исключением с-з угла, пошел слой материкового характера: он сверху обозначен тонким двадцатисантиметровым слоем красноватой глины, ниже — такая же прослойка красноватой, а ниже местами белой глины; между этими слоями глины расположены прослойки чистого песка, а остальное пространство и далее весь низ шурфа занимает супесь. Весь низ шурфа, начиная от отмеченной двадцатисантиметровой красноватой полосы, на глубину 0,8 м никакого материала не дал. В с-з углу шурфа под средневековым культурным слоем идет мощный слой галечника в 1,3 м толщины без каких бы то ни было находок; но для убедительности была пройдена вся галечниковая линза, т.к. такой же слой в ярусе 5 дал довольно много керамики. Слой галечника затем входит в материк и далее тут начинается супесь.

Шурф 6 заложен у перекрестка дорог Чорсу-Гоизён, к северу от современного и рядом со старым кладбищем. Шурф доведен до глубины 3 м. Заполнение верхних трех ярусов — темно-коричневый лёсс типа суглинка с единичными камнями и небольшим количеством керамики, включающей невыразительные обломки стенок неполивных сосудов и фрагменты поливной посуды позднего времени. Далее с глубины 1,5 м пошел слой галечника мощностью 0,6 м и содержащий довольно значительное количество фрагментов неполивной, почти исключительно стеновой, посуды, относящейся к X-XII вв. Ниже галечника до начала яруса 6 опять идет суглинкоподобный лёссовый грунт темно-коричневого цвета, включающий фрагменты неполивной керамики, аналогичной с находками в галечниковом слое, но уже в меньшем количестве. На глубине 2,5 м начался материковый слой: сначала двадцатисантиметровый чистый серый песок, затем глинистый красноватого цвета.

Шурф 7 заложен в западной части кишлака, на месте второго старого кладбища, у западной стены разрушенного мазара. Шурф доведен до глубины 2 м. Заполнение шурфа составляет однородный серый сухой грунт средней твердости. Изредка встречаются некрупные камни и поздняя керамика, больше поливная. На глубине 1,1 м в шурф частично попали два захоронения: 1) женщина /?/, головой на север, лицом на запад; раскрыта верхняя часть скелета по грудную клетку, ки-

каких вещей возле погребенной нет; 2) верхняя часть черепа другого скелета попала в обрез южной части шурфа; захоронение также ориентировано головой на север. Оба захоронения мусульманские. На глубине 1,85 м в шурфе пошел твердый слой лёсса, ограниченный сверху десятисантиметровой прослойкой чистой красноватой глины. Эти слои — стерильные и явно материковые. В шурфе нет никаких строительных остатков.

Шурф 8 был заложен во дворе частного дома, у южной стены современного кладбища, недалеко от шурфа 5. Шурф доведен до глубины 1 м, но не завершен из-за недостатка времени. Метровая толщина шурфа содержала сухой лёссовый грунт с небольшим количеством преимущественно поливной керамики.

Таким образом, на территории небольшого ленинабадского пригородного кишлака Чорсу Северо-Таджикистанским отрядом были заложены 8 шурфов, из них раскопки лишь одного не были завершены. Закладка такой густой сетки на практически небольшой территории заранее известного позднего пригородного кишлака, лишенного каких-либо внешних археологических следов, связано с необходимостью получения убедительного археологического ответа на ряд вопросов, возникших в последние годы в связи с исследованиями этнографа Н.Турсунова и находкой античного бронзового кубка-кратера, якобы происходящего из кишлака Чорсу.

Н.Турсунов собрал устные народные рассказы и легенды, бытующие среди старшего поколения населения кишлака Чорсу, о том, что здесь некогда располагался большой город, разделенный на многие кварталы, в том числе и ремесленные, с центром, называемым Чорсу — четыре стороны-направления, обычно встречаемый в старых среднеазиатских городах. По тем же рассказам, именно здесь располагался древний Ходжент, лишь впоследствии переместившийся на свое современное место. Опираясь на эти предания, Н.Турсунов считает первоначальным местом Ходжента это пригородное предместье¹⁰. Как показывают раскопки, во всех шурфах зафиксированы следы пребывания людей на этой местности в XIX, начале XX века, но без более или менее выраженного культурного слоя и без следов строительных остатков. Из восьми шурфов лишь в двух (5 и 6) зафиксирован относительно вы-

раженный культурный слой (но без строительных остатков) X-XII вв. Оба эти шурфа расположены недалеко друг от друга (порядка 100 м) и находятся по обеим сторонам развилки современной дороги Чорсу-Гозиён. Здесь можно полагать наличие небольшого поселения. Напомним, что в это время на территории современного Ленинабада уже существовал большой город, состоящий из цитадели, шахристана и рабада. Поэтому это едва улавливаемое поселение в Чорсу никак не может быть Ходжентом того времени.

Теперь несколько слов об обстоятельствах находки великолепного бронзового кубка-кратера, явно греческого образца. Они таковы: сборщик утильсырья, ныне покойный Ахмадов Рахмат в 1958 г. сдал заготовительной конторе Яваского сельпо Ходжентского района, которым ведал Алиев Собир (ныне житель г.Ленинабада, ул.Ходжентская, дом 9) приблизительно одну тонну металлолома. Среди них Алиев заметил данный кубок, спросил, откуда он. Тот ответил, что из Чорсу. Алиев привез кубок домой и оставил в подвале, а в 1970 г. находка попадает через руки играющих детей к писателю Рахиму Джалилу, который направил ее для определения в Институт истории им. А.Дониша АН Таджикской ССР.

Кубок был изучен Б.А.Литвинским и Н.Турсуновым, датирован эпохой Александра Македонского и опубликован в периодической печати как веская находка, подтверждающая указанное выше мнение Н.Турсунова относительно локализации Александрии Крайней на месте кишлака Чорсу¹¹. Однако последующее детальное исследование кубка привело Б.А.Литвинского к датировке II-I вв. до н.э., т.е. двумя столетиями позже основания Александрии Крайней¹². Таким образом, кубок не оказался современником Александра Македонского и не может служить памятником пребывания греко-македонцев Александра в данном районе. Вызывают сомнения и обстоятельства находки этой вещи в Чорсу. Вряд ли можно полагаться на память первого сборщика утильсырья, утверждавшего, что он получил его в Чорсу: он сдал целую тонну металла и вряд ли мог помнить каждую вещь в отдельности. Вызывает сомнение, что целая тонна металлолома собрана в одном маленьком кишлаке. Так же мог перепутать с какой-нибудь другой вещью и С.Алиев: ведь прошло с тех пор 12 лет.

Во время полевых работ в Чорсу сотрудники Северо-Таджикистанского отряда произвели почти поголовный опрос жителей кишлака, но о находке данного кубка здесь никто не слышал. В то же время местные жители горячо рассказывают о случайных находках при землеоходных работах обломков красивой синей, желтой, разноцветной поливной керамики типов, встреченных в шурфах.

Таким образом, место находки кубка-кратера установить не удастся и по нему делать различные локализационные выводы невозможно. По вопросу о локализации Александрии Крайней и о древнейших периодах истории Ходжента-Ленинабада остаются в силе имеющиеся сводки и обобщения ¹³.

х х

х

Северо-Таджикистанским отрядом в 1970 г. впервые начаты исследования мадраса Ходжента. Эта работа состояла из сбора устных расспросных данных, выявления местонахождения, поиска следов и остатков этих сооружений, причем комплексно собирались всевозможные данные о количестве мадраса, их местонахождении, облике архитектуры, времени постройки, методе и содержании обучения, о социальном составе и количестве обучающихся, о материальном обеспечении мадраса и т.п. Эти данные потом дополнялись некоторыми литературными и архивными сведениями.

В г.Ходженте, по данным А.Вамбери, в начале 60-х годов XIX в. насчитывались 18 мадраса ¹⁴. А.Кушакевич для конца того же десятилетия приводит цифру 24 ¹⁵. Мадраса, по данным 1893 г., было 47, а 1912 - 40 ¹⁶. Северо-Таджикистанским отрядом в городе Ходженте пока зафиксировано 55 мадраса. Из них точно локализованы на современной карте Ленинабада 31 мадраса: Хиштин, Хазрати Бобо, Ходжа Камол, Рубохон, Шохи, Охуни Вали, Ев Комил Ходжа, Ходжа Мир Салим, Шайх Муслихиддин, Зокидбой Фаранг, Куш Масчид, Накиб, Таги Тути Калон, Намозгох, Шерби (мадрасаи бозори савзи), Киркон (мадрасаи сафедорзор), Бойон, Купруки Баланд, Отабойбек, Бобоходжа, Гузари Замон I, Гузари Замон II, Масчиди Сурх, Ортыкходжа Иман, Кони Сурби, Мехтар, Мулло Салимбой, (или Рахмат Аллоф), Ходжа Амин, Гузари Кози, Мулло Саринсок, Поччо Калон. О каждом из этих мадраса собраны интерес-

ные данные разнообразного историко-культурного характера. Остальные 24 городских мадраса еще точно не локализованы. Эта работа будет продолжена в дальнейшем.

х х

х

Следующим объектом работ был крупный холм Дунгчатепе, расположенный в предгорной полосе отрогов Туркестанского хребта, на правобережной террасе Исфанабая, справа от дороги Пролетарск-Сулукта, на новоосвоенных землях колхоза "Москва".

Дунгчатепе - огромный двухъярусный холм, округлой формы, размером 67 x 70 м, при высоте 9-10 м, слегка вытянут с с-в на ю-з, с двух сторон (с-в и ю-з) имеет очень пологие скаты, а с остальных скаты в виде широких плоских ступеней. Памятник был зафиксирован Ходжентско-Уструманским отрядом в 1955 г. ¹⁷

В 1970 г. на Дунгчатепе были начаты раскопочные работы (руководитель Е.Д.Салтовская) и вскрыта на вершине холма часть построек, состоящая из большого зала и входного "вестибюля" в этот зал. Зал прямоуголен в плане, вытянут по линии В-3, вдоль южной, восточной и северной стен имеет суфы. Ширина зала 4,8-4,9 м, длина раскопанной части 10,5 м. Стены сохранились на внушительную высоту - 2,1-2,5 м, они сложены из прямоугольного сырцового кирпича с большой примесью мелкой гальки в глине. Размеры кирпичей: 42x45х 8-9 см, 40x27х 8-9 см, 37-40 x 22-23 x 8-10 см, 35-37 x 22-23 x 8-10 см. Кладка стен бессистемная, без перевязки, но аккуратная. Поверхность стен покрыта несколькими слоями штукатурки: вначале глино-саманная обмазка, затем тонкий слой белой алебастровой штукатурки, поверх нее - слой штукатурки из тонко отмученной серовато-желтой глины.

Внешние стенки суф сложены из сырцовых кирпичей, поставленных на ребро, а внутри плотно забиты гладкоокатанными речными камнями средних размеров и галькой. Затем поверхность кирпичного кожуха суфы гладко обмазаны несколькими слоями глиняной штукатурки. Отмечены две поверхности пола помещения, отстоящие друг от друга на 10-15 см. Нижний пол помещения довольно гладкий, обмазан глиной, сильно покатый в западную сторону. В зале два проема: один в южной стене,

другой в восточной. У северо-восточного угла южной суфы в пол зрыт примерно на три четверти высоты очень крупный хум с небольшими (относительно тулова) диаметрами венчика и дна. На плечике хума нанесены три глубоких пунсонных кружочка диаметром 1 см, образующих треугольник. Перекрытие зала, судя по его размерам, было плоское, деревянное, но его остатки в завале не обнаружены. Заполнение зала составляли довольно рыхлый завал с обломками сырцовых кирпичей, окатанными речными камнями средних размеров и значительным количеством керамики.

Среди керамики имеются венчики и стенки светлоглинированных хумов, белоглинированных высокогорлых одноручных кувшинов с прочерченным орнаментом, очень много кухонной посуды. Интересна верхняя часть изящного красноглинированного узкогорлого сосуда с горизонтальным неглубоким рифлением по горлу и очень интересными налечами, фрагмент стенки с желтовато-красным ангобом, со штампованной шестилепестковой розеткой, одно крупное неглинированное пряслице округло-биконической формы. Найден очень интересный фрагмент венчика хума с оттиском штампа в виде неглубокого изображения всадника, натягивающего тетиву с луком. Подобное изображение имеется на одном фрагменте настенной живописи дворца Калан Какхаха 2 в Шахристане.

По архитектурному облику зала, размерам кирпичей с соотношением 1:1-2, некоторым формам керамики, наличию двух ладьевидных каменных зернотерок с терочными камнями Б.Д.Салтовская строительные остатки верхнего жилого горизонта Дунгчатепе ориентировочно относит к V-VI вв.

Частично раскопан вышеотмеченный "вестибюль"-помещение № 2, связанное с залом дверным проемом. Сохранность стен удовлетворительная - до 2,5 м. Стены сложены из сырцовых кирпичей 41-43 x 30 x 10-11 см. Иштукатурка стен состоит из нескольких слоев обмазки; нижняя обмазка примерно на высоту одного метра от уровня пола обгорела дочерна. Пол не очень ровный, покаты с севера на юг. Из находок особенно интересны: железный трехгранный черешковый наконечник стрелы с прямыми жальцами без порошка, обычно датируемые IV-VI вв., найден в плотном кирпичном завале южной половины комнаты, почти над полом; изделие из плоского се-

рого камня сердцевидной формы с петлевидным выступом и отверстием для подвешивания, с изображением слабо процарапанных елочек на одной гладкой плоскости. По словам местного населения, подобные каменные подвески применялись и поныне применяются женщинами пожилого возраста для оттягивания кос на спине.

В целом дальнейшие раскопки на Дунгчатепе обещают быть интересными и результативными для характеристики культуры и экономики юго-восточной Уструшаны.

х х

х

Уже давно объектом пристального внимания ученых являлось городище Ширин. Оно было зафиксировано фархадской археологической экспедицией 1943-1944 гг. ¹⁸, более подробно обследовано, описано и подвергнуто съемкам Уструшанским отрядом в 1950 г. ¹⁹

На городище Ширин, расположенном на концевом выступе горы недалеко от Сырдарьи, между Куркатор и Бекабадом, в 1969-1970 гг. впервые были заложены стратиграфический шурф и большой раскоп. Шурф у западного края городища, доведенный от репера до глубины XX яруса (10 м), непосредственно на галечном материке дал грубую толстостенную керамику, зернотерки, фишки из подправленных в диск стенок сосудов, венчики, донца и ребро сосудов биконических форм, а также фрагменты ангобированной керамики, в целом, видимо, относящиеся к IY-II вв. до н.э. и первым векам н.э. Следующий, раннесредневековый, слой зафиксирован остатками строительного комплекса и массовым керамическим материалом VI-VII вв. н.э. Последующий, судя по всему, эпизодический период жизни на городище отмечен небольшой толщиной культурных отложений и керамики XIY-XV вв.

Раскоп в северо-восточной части городища начал выявлять остатки двух зданий, расположенных: первое - внутри мощных крепостных стен с амбразурами и второе - вне стен на узкой восточной примыкающей площадке. Сохранность обоих зданий хорошая: получена полная характеристика стен и сводов помещений, проемов и их арок, строительных приемов. Получены интересные находки. Весь комплекс построек относится к раннему средневековью. Дальнейшие раскопки на этом

городище принесут, по всей вероятности, драгоценные материалы по культуре Северной Уструманы поры древности и раннего средневековья.

х х

х

На городище Муттепа (г. Ура-Тюбе), отождествляемым с цитаделью древнеуструманского города Курукада (Кирополь), заложен новый раскоп с целью выявления стратиграфии культурных наслоений северо-западной части памятника. Здесь в 1969-1970 гг. пройден мощный слой, насыщенный находками последних столетий - времени правления уратюбинских беков, ниже выявлен и расчищен участок фортификационных сооружений цитадели раннего средневековья, также сопровождающийся керамическим материалом. Работы следующего полевого сезона, видимо, нас приблизят уже к древнейшим культурным слоям данной части городища.

Кроме того, в городе Ура-Тюбе велся сбор разнообразных данных о мадраса. Здесь, в отличие от Ходжента, наибольшее распространение имели масчиды-мадраса, т.е. каждый большой масчид имел расположенные по двум или трем сторонам обширного двора ряды многочисленных худжр, предназначенных для служителей культа и учащихся-студентов. Исключение составляла мадраса Рустамбека, построенная по типу самаркандских, бухарских и ходжентских мадраса. По сведениям 1882 г., в Ура-Тюбе насчитывалось всего 4 мадраса²⁰, в 1885 г. - 5, а учащихся 204 человека²¹. Однако Северо-Таджикистанским отрядом зафиксированы остатки 7 масчид-мадраса и восьмого мадраса Рустамбека. Масчид-мадраса следующие: Кок Гумбаз, Намозгох, Казокбой, Охунон, Ходжаджон, Олкор и Ходжа Фахриддин. Об этих сооружениях собраны интересные расспросные данные. Работа по их изучению будет продолжена в дальнейшем.

х х

х

Основным местом работ отряда явился Калам Кахках I, отождествляемый с шахристаном города Бунджиката, столицы Уструманы. Здесь ведутся довольно широкие раскопки, как на территории городища, так и его высокого арка. На объекте У, расположенном в центре городища, в 1968-1970 гг. вскрыты

две группы (секции) помещений значительного городского квартала. Одна из них включает огромный по своим размерам зал, широкий коридор с суфами вдоль западной стены и помещение также с суфами вдоль стен. Все три помещения секции расположены в один ряд по линии запад-восток. Вторая секция несколько иного плана, находится к югу от первой и состоит из входного коридора с суфой вдоль южной стены и двух больших помещений, расположенных к югу и к западу от коридора. Обе имеют вдоль всех четырех стен суфы. В южном, несколько вытянутом с севера на юг зале зафиксированы четкие линии от места колонн перекрытия. Таким образом перед нами очень интересной планировки трехнефный зал с входом в середине северной стены.

На объекте У1, у самой южной стены городища, в 1970 г. начаты раскопки другого здания, новой для Шахристана планировки: длинный коридор тянется поперек городской стены, к которой непосредственно упирается своим южным торцом, западная стена коридора глухая, а восточная пререзается проемами в изолированные друг от друга помещения, расположенные в один ряд с юга на север. Перед нами комплекс пристенных построек городища, полное вскрытие которого, кроме прочего, позволит выяснить характер взаимоотношений городской стены и пристенных сооружений.

Главные силы отряда последние годы были заняты на раскопках дворца афшинов (царей) Уструшаны на арке Калам Кахкаха I. В 1965-1970 гг. вскрытие дворца почти завершено²². Дворец громаден по своим размерам, величествен по архитектуре и великолепен по внутреннему убранству помещений (табл. II-13). Он имеет огромный, площадью 230 м², трехъярусный зал с царской тронной лоджией, "малый" зал приемов в 95 м², помещение дворцового храма, царские спальни и жилые покои, дворцовый "арсенал", целую сеть связывавших их коридоров, а также дворцовые пекарни. Интерьер всех парадных помещений и коридоров был отделан богатейшей монументальной настенной многокрасочной живописью светского, батального, мифологического и теологического содержания, деревянными архитектурными конструкциями, панно и фризами с мастерски выполненной разнообразной резьбой растительного, геометрического, комбинированного раститель-

но-геометрического орнамента и скульптурными изображениями людей, животных, птиц и, наконец, круглой скульптурой людей и птиц. Фасадные стены центрального спального царского дохнова были украшены целой уникальной серией жёных фигурных облицовочных кирпичей.

В залах, комнатах и коридорах дворца вдоль стен тянутся ленты глинобитных суф для сидения и сна, входы спальных и жилых помещений были снабжены тамбурами и деревянными стенками-ширмами, напротив входного коридора и напротив входа в "малый зал" приемов выделяются специальные царские суфы - "эстрады".

Дворец служил одновременно и местом потайного хранения запасов продуктов питания. Вдоль обеих продольных стен входного коридора, длинной суфы центрального коридора и суф тронного зала, под пол были глубоко врыты и сверху замазаны глиной целые ряды крупных хумов. Их в 1970 г. обнаружено 43 штуки. Объем каждого хума от 158 до 295 л. Общий объем всех хумов 9303 л, т.е. во дворце одновременно могло содержаться запасов пищи около 9-10 тонн. В некоторых хумах обнаружены их остатки, которые изучаются специалистами.

В специальном помещении - "арсенал" царь держал более 5000 шт. камней весом от четверти пуда до 2-3 пудов каждый и несметное количество величиной с кулак каменных ядер для камфетных пращей, предназначенных для отражения штурмующего противника. Заметим, что дворец находился на гребне выступающей над Шахристан-Саем горы на высоте 50 м от ложа сая.

Хотя неплохо обосновался, обставился и запасся устругманский афини, однако дворец был все же разрушен и основательно сгорел от пожара: повсюду толстые слои горелого дерева и обожжённой глины, стены прокалены докрасна, сгорела штукатурка стен с саманом и живописным красочным слоем. Поэтому обгоревшее дерево не сгнило и донесло до нас прекрасные образцы резьбы, а живопись стен пострадала больше. Перед разрушением дворец был основательно разграблен: при раскопках сделано мало находок, даже обычно массовой кухонной и столовой керамики. Лишь в глиняной замеске пола одного из помещений найден небольшой кладик раннеуст-

рушанских бронзовых монет с изображениями мужской головы на аверсе и родового знака, титула и имени правителя на реверсе. Прочитаны нумизматом О.И.Смирновой ранее не известные правители Чирдмиш, Сатачарн и Раханч. Есть другие единичные находки согдийских и арабских монет.

Дворец построен, судя по находкам золотого брактеата, раннеусушанских монет и по другим археолого-архитектурным наблюдениям, не позже VI-VII вв., а разрушен был где-то в пределах конца IX в. или на рубеже X-XI вв. Разумеется, последуют уточнения этих дат после окончательной обработки материалов раскопок.

Дворец оказался подлинной кладовой памятников искусства. Из завалов помещений дворца вынута около 200 фрагментов обугленного резного дерева, в том числе несколько десятков подлинных медвежков искусства, из которых отметим несколько круглых скульптур людей и птиц, многочисленные фризы и панно с сюжетными композициями, в которых участвуют люди, птицы, фантастические сирены, фризы с изображениями человеческих голов под аркадами и уникальный тимпан входного проема тронного зала с изображением сюжета древнеиранского героического эпоса о борьбе сил добра с силами зла, олицетворенных в образах носителей добра - царевича Феридуна и кузнеца Кова, носителей зла - царя-дугеуба с двумя змеями на плечах - Зохака ²³.

В завалах помещений и коридоров дворца обнаружено несколько тысяч фрагментов штукатурки стен с росписями, а на стенах - много десятков квадратных метров остатков живописных сцен. Из них удается более или менее выделить около 70 деталей с сюжетными композициями, в том числе такие, как уникальная, уже известная по предварительным публикациям, шестиметровая композиция с "Волчицей, кормящей двух младенцев" ²⁴, так называемая композиция "Военный совет" и др.

В 1970 г. раскопочные и реставрационные работы велись главным образом в малом зале приемов. Здесь вынут завал центральной части зала до пола и расчищены части восточной стены слева и справа от входного проема и тянувшиеся вдоль них отрезки суф. Из завала среди толстого слоя горелого дерева и рассыпающегося древесного угля вынуты около десятка фрагментов обугленного дерева с растительным и геометрическим орнаментом.

На восточной стене зала и в завале у стены над суфами было обнаружено огромное количество фрагментов живописи. Их скрупулезная предварительная полевая обработка дала замечательные итоги. Из множества мелких кусочков собирается фрагмент росписи с изображением трех скачущих всадников на богато украшенных вороном, сером и белом конях. Всадники одеты в боевые одежды и шлемы, в правых руках держат длинные пики со знаменами на концах, на поясе передней фигуры висит в ножнах меч. Передняя фигура в очень экспрессивной, прижатой к туловищу коня, позе, с открытым ртом и с оскаленными зубами. Под ногами коней часть распятой фигуры лежащего воина. Роспись в целом чрезвычайно выразительна, красочна, мастерски выполнена.

На втором фрагменте росписи трехголовое и четырехрукое "божество", изображенное в момент сражения или поединка: в одной руке он держит лук, другой натягивает тетиву, готовясь выпустить стрелу. Двумя другими руками держит наперевес копьё. Одета фигура в доспехи, у пояса кинжал, ниже колчан со стрелами. В одно из его левых предплечий воткнута стрела. "Божество" восседает на коне, двигающемся справа налево, его нога вставлена в богато орнаментированное стремя.

Третий фрагмент изображает "богиню" в золотой короне с полумесяцем. От короны к плечам спускается голубое покрывало, в ушах массивные серьги с драгоценными камнями. Одета "богиня" в серо-голубое платье (хитон), на плечи накинута темно-красный плащ. В одной руке она держит скипетр с завершением в виде золотой птицы, в другой — какой-то предмет, на котором просматривается изображение дракона. "Богиня" была изображена в полный рост, являлась многорукой, восседала на троне в виде не льва и окружена огненным сиянием. Рисунок и краска почти повсеместно сохранились хорошо.

Четвертый фрагмент имеет изображение "Трехглазого демона", золотисто-рыжая грива как бы обрамляет оскаленное, полное экспрессии лицо "демона". Живопись выразительна, выполнена уверенным, точным движением кисти. Цвет лица светло-серый, нос с горбинкой, глаза выпучены, третий "глаз"

помещен на лбу. Над лбом и в висках "демона" находятся три маленьких черепа. Этот фрагмент является частью фигуры, выполненной в полный рост и как бы приплясывающей. Туловище "демона" перевито лентой с бубенцами.

Пятый фрагмент также изображает "демона", подобного описанному, но только с одним черепом над лбом. Вокруг головы такая же грива, тот же оскал лица, так же изображен пританцовывающим, его тело тоже опоясывают ленты с бубенцами. Цвет тела и лица серовато-зеленый, грива огненно-рыжая.

Другую интереснейшую группу находок 1970 г. составляют фрагменты с изображениями животных. Среди огромного числа разрозненных кусков штукатурки с росписью хорошо определяется изображение львов, шакала, грифона, змеи. Все животные изображены в позе движения справа налево. Шествие животных было изображено и над дверным входом в зал на поверхности глиняной арки. Здесь введены дополнительно небольшие изображения дракона. Все животные выполнены в основном в теплых, охристо-желтых тонах на синем фоне.

Кроме того, у восточной стены зала обнаружены несколько изображений лиц и частей фигур, сражающихся воинов, деталей их одежды, фрагменты скачущих лошадей, фрагменты голубой лошади в белых яблоках, фрагменты с орнаментом и т.д.

Все отмеченные детали росписей собраны и состыкованы из множества мелких кусков штукатурки с живописью и тем самым хорошо демонстрируют возможности реставрации (при ее умелом и квалифицированном проведении) по восстановлению целых участков стенных росписей, а последние, стыкуясь между собой, дадут полное представление о характере стенописи всего зала, о его композиции, колорите, иконографии, раскроют в полную силу замысел изображений и сюжета в целом.

Предварительные наблюдения показывают, что живопись на восточной стене зала была в несколько ярусов. Внизу, над суфой, шла широкая орнаментированная панель шириной в 45 см. Выше располагалась полоса примерно метровой ширины с изображением сражающихся воинов, причем резко подчеркнуты отрицательные и положительные характеристики персонажей: к примеру, трехголовое "божество" противопоставляется

демоноподобным воинам. Судя по находкам, следующий, третий, ярус живописи на стене слева от входа имел теологическое содержание, а справа от входа — связан с какой-то символической (шествие зверей). Верх живописной панорамы венчал орнаментальный фриз.

Живопись в целом была полихромной, яркой, с преобладанием синих и охристо-желтых тонов. Неоднократно зафиксирована зеленая краска, обычно довольно редко встречаемая в живописи того времени.

Малый зал приемов дворца Калаи Кахкахе I оказывается, таким образом, одним из богатейших объектов уструшанской живописи. Следует отметить, что росписями насыщены и три остальные стены зала, которые еще предстоит обнажить в следующий раскопочный сезон.

Мы находимся в преддверии познания многих ранее неизвестных нам явлений духовного мира уструшанцев, их героического эпоса, мифологических и культово-теологических воззрений, их эстетического вкуса и предъявляемых к искусству требований. Все это даст значительный материал к характеристике жизни и быта средневекового уструшанца, его духовного облика и окружающего мира. То есть здесь уже археология, искусство и история культуры смыкается с социологией древнего общества.

В целом исследования археологических памятников Северного Таджикистана в 1970 г. дали богатейший материал по истории и культуре Ходжента, Уструшаны и особенно уструшанской столицы Бунджиката. Они вводят нас в целый мир материальной и духовной жизни наших предков.

I Отряд работал в составе: начальник-доктор исторических наук Н.Н.Негматов, ст. научный сотрудник — доктор исторических наук Л.В.Воронина, младшие научные сотрудники — В.Д.Салтовская, Л.Т.Пьянкова, М.П.Страдомская, П.Т.Самойлик, А.Е.Павлова, младший научный сотрудник, старший реставратор — художник В.М.Соколовский; аспиранты: А.И.Билалов, Х.Д.Мухитдинов; ст.лаборанты: А.Мирбебаев, Р.Авзалов, Ф.Сулликеева, В.П.Виноградова, Н.Турлыгин, А.С.Яковлев; лаборанты: М.Абдурасулов, З.Мадамиджанова, Н.С.Хазеева; студен-

ты старших курсов вузов: С.Самидов, А.Юсупов (ЛГПИ им. С.М. Кирова), Н.Ярцева (МГУ им. М.В.Ломоносова), Т.Веселовская, К.Штондина (ТГУ им. В.И.Ленина), 21 студент-практикант истфака ТГУ им. В.И.Ленина, 50 студентов-практикантов историко-филологического факультета ЛГПИ им. С.М.Кирова; несколько групп местных рабочих, шофер В.Бабердин.

² Перечень работ У.П.Пулатова по материалам Чилхуджры см. в далее указываемом автореферате его диссертации.

³ Часть материалов этого объекта изданы: В.Я.Сергиенко, Раскопки на городище Кахнаха I, - "Сообщ. Гос.Республиканского объединенного музея историко-краеведческого и изобразительного искусства", вып. IV, Душанбе, 1966, стр. 29-58.

⁴ Н.Н.Негматов, К истории средневекового скотоводческо-земледельческого хозяйства горной Уструшаны. - В кн.: "Проблемы археологии Средней Азии (1968 г.)", Л., 1968, стр.56-58.

⁵ Об этих работах С.М.Марафиева, перечень его статей см. в далее указываемом автореферате диссертации автора.

⁶ Н.Н.Негматов, Сомгор (к истории долинного Сомгорского массива). - В кн.: "Материальная культура Таджикистана", вып. I, Душанбе, 1968, стр. 116-137.

⁷ Часть материалов работ 60-х годов отражены в следующих статьях: Е.Д.Садтовская, О некоторых археологических памятниках и находках в Айтском районе, - В кн.: "Материальная культура Таджикистана", вып. I, Душанбе, 1968, стр. 142-158; Е.Д.Садтовская, О резных костяных предметах первых веков нашей эры из Айте (древняя Фергана), - ИОИА АН Тадж.ССР, 1968, № 2/52/, Душанбе, стр. 107-113.

⁸ Н.Н.Негматов, Холжент и Уструшана в древности и средневековье (середина I тыс. до н.э. - I тыс. н.э.). Автореферат докт.дисс. М., 1968; С.Г.Хмельницкий, Роль народной жилой архитектуры в развитии монументального зодчества Средней Азии эпохи феодализма. Автореф.канд.дисс., М., 1963; Т.П.Кияткина, Формирование антропологического типа таджиков по палеоантропологическим данным. Автореф.канд.дисс.Душанбе, 1965;

С.М.Марафиев, Крепостные сооружения равнинной части Северного Таджикистана ХУШ-ХІХ вв. (историко-археологический очерк). Автореферат канд.дисс. Москва, 1968; Н.Н.Негматов, Е.Д.Садтовская, Материальная культура кушанского времени в Уструшане и Западной Фергане, - В кн.: "Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Тезисы докладов и сообщений советских ученых", М., 1968, стр. 47-49; Н.Н.Негматов, Е.Д.Садтовская, Material culture of Kushan times in Ustrushana and West Ferghana, - "Soviet indology series, N 3", Calcutta, 1970, p. 174-175; Н.Н.Негматов, Из опыта изучения городской жизни ходжентско-уструшанского региона, - В кн.: "Средневековые города Средней Азии и Казахстана (Тезисы к совещанию в г.Фрунзе, 1970 г.)", Д., 1970, стр. 8-II.

9 Они осуществлены на средства Ленинабадского областного историко-краеведческого музея.

10 Об этом "построении" см. серия статей Н.Турсунова: К истории Ходжента (По новейшим историко-этнографическим данным), - "Ленинабадская правда", 3,4,6 и 10 марта 1970г.

11 Б.А.Дитвинский, Н.Турсунов, Кубок Александра Македонского, - "Коммунист Таджикистана", 26 мая 1970 г.; Н.Турсунов, Александрия Эсхата и Ходжент (греческий бронзовый кубок из Чорсу), - "Ленинабадская правда", 25 и 26 августа 1970 г.

12 "Хуми духазорсола", - "Маориф ва Маданият", II июли с. 1970.

13 Н.Н.Негматов, Ходжент и Уструшана в древности и средневековье (середина I тыс. до н.э. - I тыс. н.э.), Автореферат докт.дисс. М., 1968, стр.9-10. Там же перечень других работ автора, в которых рассматривается этот вопрос (стр.51, № 8, стр.52, № 10, 18,19,25).

14 А.Вамбери, Путешествия по Средней Азии, СПб., 1868, стр. 190.

15 А.Кумакович, Города Ходжент и Ура-Тюбе, - "Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник", вып. I, СПб., 1872, стр. 52.

16 ЦГА Таджикской ССР. Фонд I, опись I, дело 2275, л. 15-16.

17 Н.Н.Негматов, О работах Ходжентско-Уструманского отряда в 1955 г. - АРТ, Ш, Сталинабад, 1956, стр. 69.

18 В.Ф.Гайдукевич, Работы ферхадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943-1944 гг., - КСИИМК, вып. XIX, М.-Л., 1947, стр. 98-99.

19 О.И.Смирнова, Археологические разведки в Уструмане 1950 г., - МИА СССР, № 37, М.-Л., 1953, стр. 225-227.

20 ЦГА Таджикской ССР, Фонд I, опись I, дело 76, л.15.

21 Там же, дело 189, л. 2.

22 О раскопках дворца в 1965-1967 гг.: Н.Н.Негматов, Новые памятники архитектуры и живописи Уструманы (печатается в Материалах Всесоюзной конференции по искусству народов Средней Азии и Кавказа 8-11 января 1968 г.). О работах 1969 г.: Н.Н.Негматов, Раскопки уструманской столицы Бунджиката, - В кн.: "Средневековые города Средней Азии и Казахстана (Тезисы к совещанию в г.Фрунзе 24-29 ноября 1970 г.)", Л., 1970, стр. 45-49.

23 Н.Н.Негматов, Поэма в дереве, - "Наука и жизнь", 1970, № 4, стр. 54-55; Н.Н.Негматов, Сюжеты эпоса в искусстве Уструманы и "Шахнаме" Фирдауси (в печати).

24 "Шедевры и загадки Шахристана", - "Наука и жизнь", 1967, № II, стр. 36; Н.Н.Негматов, "Капитолийская волчица" в Таджикистане, - "Наука и жизнь", 1968, № 33-34 + цв.вкл.; Н.Н.Негматов, Эмблема Рима в живописи Уструманы, - ИООН АН Тадж.ССР, 1968, № 2/52/, Душанбе, стр. 21-32; Н.Н.Негматов, Эмблема Рима в живописи Уструманы и древневосточная мифологическая традиция (в печати); Н.Н.Негматов, К вопросу о роли Востока в сложении древнеримской легендарной традиции (в печати); Н.Н.Негматов, К вопросу о восточном вкладе в древнеиталийскую духовную культуру (в печати - в Материалах XII Международного конгресса исторических наук); В.М.Солодовский, Стенная роспись с изображением волчицы из Шахристана (полевая обработка и реставрация) (в печати).

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИМ. А.ДОНИША

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ
В ТАДЖИКИСТАНЕ
Вып. XIУ (1974 г.)

Под редакцией Б.А.Литвинского,
Н.Н.Негмагова, В.А.Ранова

Издательство "Дониш"
Душанбе - 1979

Н.Н.Негматов

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ АРХЕОЛОГИИ
СЕВЕРНОГО ТАДЖИКИСТАНА В СВЯЗИ С СОЗДАНИЕМ
СТАКЭ. КРАТКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ 1974 г.

Северный Таджикистан один из богатейших археологическими памятниками и интенсивно исследуемых регионов республики. Памятниками этого региона интересовались еще до Великой Октябрьской социалистической революции выдающийся русский востоковед В.В.Бартольд и в разные периоды среднеазиатские ученые и краеведы (А.А.Кушакевич, Н.Лыкошин, П.С.Скварский, И.А.Кастанье, Акрам Палванов, Ходжи Антика и др.).

Интерес к археологии Северного Таджикистана в первые десятилетия советской власти был вызван деятельностью энтузиастов ученых и краеведов А.А.Семенова, М.С.Андреева, Н.Г.Маллицкого, М.Е.Массона, Т.Г.Оболдуевой, А.Е.Маджи, В.Р.Чейлытко. Интенсивные и систематические исследования начались после Великой Отечественной войны со времени создания в 1946 г. Таджикской археологической экспедиции. В 1949-1950 гг. по инициативе А.Ю.Якубовского был создан специальный уструшанский отряд ТАЭ, который под руководством О.И.Смирновой провел первые плановые разведочные и фиксационные работы в ряде районов.

В 50-е годы разворачиваются широкие систематические работы по археологии Северного Таджикистана различными отрядами ТАЭ под руководством А.П.Окладникова по каменному веку, Б.А.Литвинского по раскопкам курганов и курумов Аштского и Исфаринского районов, замка Калаи Боло близ Исфары и поселений эпохи бронзы на Кайраккумах и Н.Н.Негматова по раскопкам в городах Ленинабаде (Ходжент), Бунджикате (Шахристан), Ура-Тюбе и др. античных и средневековых памятников. С начала 60-х годов все археологические работы в указанной части республики проводил Северо-Таджикистанский археологический отряд Института истории им.А.Дониша АН Таджикской ССР (начальник Н.Н.Негматов) уже по комплексной программе исследований, охватывающей ряд проблем истории и истории культуры широкого хронологического диапазона – от эпохи бронзы до позднего средневековья.

Исследованиями 1973 г. завершается один из этапов археологического изучения Северного Таджикистана. Они велись в рамках комплексной многолетней темы "Северотаджикский историко-культурный регион", входящий в общесоюзную проблему "История материальной культуры народов СССР". Эта тема предусматривает рассмотрение путей формирования и развития северотаджикского историко-культурного региона как составной части истории таджикского народа.

По этой теме проводились стационарные полевые исследования Северо-Таджикистанского археологического отряда в составе ряда групп, а в 1972-1973 гг. также Аштского археологического хозяйственного отряда. Исследования охватывали хронологически период от эпохи поздней бронзы и раннего железа до позднего средневековья, а территориально – почти все города и районы Ленинабадской области.

Изучался широкий круг памятников по ряду крупных проблем,

Это прежде всего изучение общей динамики этнического, экономического, социального и культурного развития трех древних и средневековых историко-культурных областей – Уструшаны, Ходжента и Западной Ферганы. В этом плане уже изучена и опубликована историческая география с локализацией городов, поселений и дорог Уструшаны и Ходжентской области, суммированы по этим областям сведения письменных источников и материалы археологических раскопок в социально-экономическом и этнокультурном отношениях.¹

Очень важные сведения получены по культуре эпохи бронзы и раннего железа, а также кочевников первого тысячелетия н.э. Западной Ферганы.² Историческое прош-

¹ Негматов Н. Н. Уструшана в древности и раннем средневековье. Сталинабад, 1957; Негматов Н. Н., Хмельницкий С. Г. Средневековый Шахристан. Душанбе, изд-во "Дониш", 1966; Негматов Н. Н. Ходжент и Уструшана в древности и средневековье (середина 1 тыс. до н.э. – 1 тыс. н.э.). – Автореф. дис. на соиск. ученой степени докт. ист. наук. М., 1968.

² Литвинский Б. А. Могильники Западной Ферганы. Курганы и курумы Западной Ферганы. М., "Наука", 1972; Керамика из могильников Западной Ферганы. Вып. 2. М., "Наука", 1973; Украшения из могильников Западной Ферганы. Вып. 3. М., "Наука", 1973; Давидович Е. А. и Литвинский Б. А. Археологический очерк Исфаринского района. – "Тр. ИИАЭ АН ТаджССР", 1955, т. 35; Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А. Древности Кайраккумов. – "Тр. Ин-та истории им. А.Дониша АН ТаджССР", 1962, т. 33.

лое Ферганы, области, где наиболее интенсивно протекали процессы взаимодействия кочевой и оседлой культуры, особенно в ранние периоды, весьма слабо освещено данными письменных источников. В числе ряда специфических трудностей ферганской археологии наиболее острой является отсутствие разработанной общей археологической хронологической колонки, т.е. той первоосновы, которая необходима для классификации и интерпретации получаемых материалов.

Целостная и конкретная картина истории древнеферганского общества может быть восстановлена прежде всего на базе изучения памятников оседлой культуры. На основе результатов многолетних систематических раскопок на двух близлежащих поселениях Аштского района Тудай Хурд и Тудай Калон Е.Д.Салтовской в подготовленной монографии "Северо-Западная Фергана в древности и раннем средневековье" сделан первый опыт археологической периодизации культуры северо-западной части древней Ферганы, охватывающей значительный промежуток времени, со II в. до н.э. по V-VI вв. н.э. Сравнительно четкая стратиграфия вышеупомянутых памятников и тщательный анализ находок позволили выделить пять последовательно сменяющих друг друга хронологических этапов, совпадающих со строительными периодами. В значительной степени выявляются культурные связи населения этой части Ферганы с соседними областями и, особенно с более или менее четко выделенными синхронными комплексами, расположенными на территории остальной части Ферганы. Важным результатом следует считать установление восточной границы ареала воздействия каунчинской культуры, которая, по всей вероятности, отражает какой-то еще не вполне ясный процесс локальных этнических перемещений на севере Средней Азии в эфталтский период.³

³ Салтовская Е. Д. Северо-Западная Фергана в древности и раннем средневековье. — Автореф. дис. на соиск. ученой степени канд. ист. наук. Душанбе, 1971

Весьма интересные материалы добыты в последние годы Е.Д.Салтовской при изучении предгорной и степной зоны Ашта. В окрестностях кишлака Ашт раскопана небольшая группа курумов, расположенных на гребнях параллельных невысоких отрогов Карамазарских гор. Конструктивно курумы различаются наличием или отсутствием входа. В них обнаружены одиночные и множественные захоронения. Сопровождающий погребальный инвентарь включает керамические сосуды типа кружек с зооморфными ручками, широкогорлые горшки с процарапанным по ангобу так называемым "даваньским" орнаментом, тонкостенные миски, бронзовые браслеты, перстни, пряжки, разнообразные бусы, косметические наборы. Они имеют много общего с находками из нижних слоев соседнего поселения Тудай Калон, датируемых концом III — началом VI в. н.э. Уже неоднократно отмечалась значительная однородность материалов аштских курумов и поселений, принадлежавших представителям однородного населения Северо-Западной Ферганы указанного периода.

В западной части могильника Дашти Ашт вскрыто несколько десятков курганов с невысокой каменной насыпью. Часть курганов оказалась кенотафами. Большая часть на дне неглубоких грунтовых могил имела одиночные или групповые захоронения. Среди них преобладает труположение на спине с вытянутыми вдоль туловища руками и ногами, головой на юго-запад и запад. Сопровождающий погребальный инвентарь близок с находками могильников эпохи раннего железа Центральной Ферганы VI—IV вв. до н.э. Среди них вместе с формами груболепных изготовленных на матерчатом шаблоне мисок, впервые на территории Северо-Западной Ферганы встречены крупные лепные миски полусферической формы с красно-коричневой росписью на светлом фоне, тонкостенные станковые светлофонные горшки "актамского" типа. Существенное значение при решении вопроса датировки курганов Дашти Ашт имеют также другие находки: бронзовый кольцевидный наконечник стрелы со скрытой втул-

кой и опущенными вниз приострешенными концами перьев, отнесенный по хронологии переднеазиатских и среднеазиатских стрел к V–IV вв. до н.э., несколько бронзовых втульчатых наконечников стрел с "лапками" IV–IV вв. до н.э., разнообразные костяные, бронзовые и железные изделия, коллекция бус.

Первостепенную важность также имеет группа других курганов Дашти Ашт. Они аналогичны указанным курганам IV–IV вв. до н.э. по своей конструкции могильных сооружений в виде неглубоких грунтовых ям овальной формы под невысокой каменной насыпью. Имеют отличный погребальный инвентарь: округлодонные и плоскодонные горшки из грубой темно-серой глины с кальциевой примесью, с сильно заглаженной черно-коричневой поверхностью, иногда с нанесенным в виде "резной елки" орнаментом. Находки обнаруживают довольно близкое сходство с керамикой поселений и могильников эпохи поздней бронзы степного круга – Кайраккумов, Даханинского и Вуадильского могильников, и на основании этого автор раскопок относит их ориентировочно к V–IV вв. до н.э.

Расширение исследований курганов Дашти Ашт эпохи раннего железа позволит подойти к важному вопросу древнейших этнокультурных формирований на территории Северо-Западной Ферганы, как теперь выясняется, важнейшего ретранслятивного района на стыке Центральной Ферганы, Чача и Согда (включая Уструшану и Ходжент).

Значение этих групп курганов IV–IV вв. и V–IV вв. до н.э. Дашти Ашт очень велико: они заполняют существующую хронологическую лакуну в культуре Северо-Западной Ферганы, связывая материалы по предшествующим и последующим периодам, показывают непрерывность жизни родственного населения на этой территории. Последним могли быть саки, зафиксированные в этих местах для IV в. до н.э. греко-римскими авторами. Открытие этих курганов подтверждает существующие гипотезы

(А.Н.Бернштам, С.С.Черников) о генетической связи сакского населения Средней Азии и Казахстана с племенами поздней бронзы этих же территорий.

Другая крупнейшая проблема исследований северо-таджикского историко-культурного региона это изучение исторической топографии, экономической структуры и материальной культуры древних и средневековых городов – Ходжента, Ура-Тюбе, Бунджиката, Канибадама, Исфары и Ширина (Н.Н.Негматов, С.Ш.Марафиев и др.). На территории этих городов к началу 1974 г. было заложено раскопов и шурфов: в Ходженте (Ленинабаде) – 24, Ура-Тюбе – 20, Канибадаме – 22, Исфаре – 23. Проводилось сплошное вскрытие частей и отдельных крупных комплексов зданий города Бунджиката (развалины Калаи Кахкаха 1, Н и Ш у поселка Шахристан Ура-Тюбинского района). Здесь раскопаны крупный дворец афшинов Уструшаны и части городских кварталов (объекты 1, П, Ш, У и У1) на Калаи Кахкаха 1, целиком изучено городище Калаи Кахкаха П. Начато вскрытие цитадели городища Ширин у селения Куркат Науского района. Получен значительный материал, дающий возможность решить вопросы возникновения и периодизации этих городов, выделить наиболее интенсивные периоды их функционирования, составить историко-топографические и историко-культурные характеристики.

По вопросам экономической структуры городов в последние годы начаты изучение керамических комплексов Ура-Тюбе и Бунджиката и выявление пунктов производства этого ремесла по их реальным остаткам и по некоторым другим материалам (П.Т.Самойлик).

Опыт применения петрографических методов к изучению керамики хорошо известен в отечественной и зарубежной науке. Исследователи старались выявить по некоторым признакам характерные особенности в петрографических шлифах, с тем чтобы, получив определенный керамический материал, выяснить его происхождение, т.е.

место производства. Причем в основном сравнивалась синхронная керамика. Одновременно уделялось большое внимание самому понятию сырьевая база, выявлялись карьеры, определялись качество глин и их схожесть с глиной древней керамики.

Такую методику стали применять при изучении керамики Уструшаны. Причем были поставлены следующие цели. 1) Выявить сырьевые запасы глин для керамического производства на территории Уструшаны. Район Ура-Тюбе до сих пор вообще не изучался геологами, хотя там оказались бентонитовые глины, в которых нуждается и производство стройматериалов, и пищевая промышленность. 2) Поиски керамических обжигательных печей в районах выходов глин. 3) Сравнение глин между собой (сравнение шлифов) и выявление определяющих признаков. 4) Сравнение глин (их шлифов) с древним керамическим материалом (их шлифами) с целью привязки изделий к отдельным глинам, а также выделения из керамических комплексов изделий из местного сырья или привозных (свидетельство торгового обмена). 5) Определение состава глин, использованных для разных категорий сосудов и т.п.

Работа была начата с выявления неизвестных и осмотра известных карьеров — пунктов, где бралась глина для производства керамики в новое время. Особенно тщательно были обследованы окрестности Ленинабада и Ура-Тюбе. Были взяты образцы различных глин, суглинков и лёссов и изготовлены шлифы с этих образцов. Из этих же глин изготовлены и обожжены керамические пластинки, а также таблички смесей глин в пропорциях, наблюдаемых этнографами или полученных самим П.Т. Самойликом у современных гончаров. Часть этих образцов изучена при помощи рентгеноструктурного анализа. Изготовлены шлифы с керамических изделий городища Мугтепа (Ура-Тюбе) I в. до н.э. — I в. н.э.

Из этих работ получены первые результаты.

В 1 в. до н.э. – 1 в. н.э. в Ура-Тюбе доказывае-ся существование местного керамического производства, хотя самих обжигательных печей этого времени здесь пока не обнаружено.

Для кухонной посуды использовалась глина (гильбу-та), выходы которой имеются к западу от города, для остальной посуды использовалась красная гончарная глина из восточной и южной окраины Ура-Тюбе. Рель-еф одного из этих участков указывает на точное место этого древнего карьера.

Два сосуда из указанного керамического комплек-са изготовлены из глин, отсутствующих в районе Ура-Тюбе, что свидетельствует, видимо, о наличии еще од-ного пункта производства керамики или же о возмож-ном завозе глины из другого места.

Открыто два пункта керамических производств с остатками обжигательных печей и керамических свалок на северо-западной окраине г.Ура-Тюбе и на восточной окраине г.Бунджиката (Шахристан). Четыре печи и пять керамических свалок в уратюбинском предместье Сари Кубур с производством исключительно неполивной кера-мики ориентировочно V-VI вв., три печи и две кера-мические свалки в шахристанском предместье Гургхона-сой, также в основном с неполивым керамическим ма-териалом VI-VII вв., открывают некоторую завесу пока малоизученной проблемы городского ремесленного про-изводства Уструшаны. Все печи выбиты в естествен-ных лёссовых массивах; имеют круглые прямоугольные или квадратные в плане под и продухи, яйцевидные, ко-нические, цилиндрические, прямоугольно-призматические или пирамидальные с купольным верхом топочные каме-ры. В них, судя по материалам из печей и свалок, об-жигали сосуды для молочного хозяйства – подойники, кувшины, а также крышки для сосудов, котлы, миски и др. В ближайшие годы намечено вскрыть и исследовать остальные гончарные хозяйства этих мест.

Другая крупнейшая проблема – изучение вопросов сельского расселения Уструшаны, Ходжента и Западной Ферганы путем раскопок памятников Тудай Калон и Тудай Хурд в Аштском, Сомгар в Ходжентском, Дунг-чатепа в Пролетарском, Актепа в Науском, Уртакурган,⁴ Чильхуджра,⁵ Тоштемиртепа и Хоняйлов в Ура-Тюбинском районе (Н.Н.Негматов, Е.Д.Салтовская, У.П.Пулатов и др.). Эти работы начинают выявлять характер компактных селений, замкового и усадебного расселения, их социально-экономическую и классовую структуру, их материальную культуру.⁶

С этой проблемой тесно соприкасается и история ирригации и земледелия, по которой уже проведены сплошные разведочные и частично раскопочные работы в зонах действия ряда основных оросительных систем древней Уструшаны – Шахристансая, Басмандасая, Каттасая, Аксу и др. (А.И.Билалов). Выявлено, картографировано, частично обмерено и исследовано несколько десятков древних каналов и подземных каризов, подвергнуты шурфовке некоторые земледельческие замки и усадьбы в зонах их действия. Эти работы не только позволяют

⁴ Негматов Н. Н. , Пулатов У. П. , Хмельницкий С. Г. Уртакурган и Тирмизактепа. Душанбе, изд-во "Дониш", 1973.

⁵ Пулатов У. П. Чильхуджра. Душанбе, изд-во "Дониш", 1975.

⁶ Негматов Н. Н. Ходжент и Уструшана в древности и средневековье, с. 31–38; Негматов Н. Н. К проблеме компактных селений Уструшаны и Ходжентской области в средние века. – В кн.: Материальная культура Таджикистана. Вып. 3. Душанбе, изд-во "Дониш", 1978.

изучить динамику развития древнего орошения, но и помогут современному водохозяйственному строительству.⁷

По проблеме изучения материальной и духовной культуры северотаджикского региона древних областей важнейшей темой исследований стали архитектура и изобразительное искусство Уструшаны. Материалы раскопок ряда объектов на развалинах города Бунджикента, особенно дворца на Калаи Каххаха 1, а также замков Калаи Каххаха П, Чильхуджра, Уртакурган, больших серий, насчитывающих сотни образцов памятников монументальной живописи, деревянной скульптуры, резного деревянного архитектурного декора и образцов керамического декора дали возможность составить довольно яркое представление об архитектуре, архитектурном декоре, изобразительном искусстве Уструшаны. Среди этих памятников есть несколько десятков великолепных шедевров живописи и резного дерева, отражающих сюжеты героического эпоса, мифологии, культов и светской жизни, демонстрирующих не только великолепную материальную культуру Уструшаны, но и богатый духовный мир уструшанцев в раннее средневековье.

Раскопанные хорошо сохранившиеся памятники Уструшаны демонстрируют развитие монументальных дворцов и феодальных замков Средней Азии раннего средневековья со строго (применительно к эпохе) решенной планировкой, включающей парадные залы, жилые помещения, домашние святилища и хозяйственные службы, а также элементы максимально разработанной дворцовой и замковой фортификации. Они, а также другие раскопанные жилые, производственные, сторожево-казарменные, культовые и мемориальные постройки показывают многообра-

⁷ Б и л л о в А. И. Из истории ирригации Уструшаны. Душанбе, изд-во "Дониш", 1978.

зие типов и планировок строений, в целом свидетельствующих о больших достижениях уструшанских зодчих и строителей в архитектуре, а два уструшанских памятника – дворец на Калаи Каххаха 1 и замок Чильхуджру по совершенству форм, планировки и декору можно считать наиболее выдающимися памятниками среднеазиатского зодчества У1-1Х вв.⁸

В связи с находками памятников искусства Уструшаны в последние годы встала еще одна важная и трудная проблема: техника выявления, расчистки, закрепления, консервации и реставрации обгоревшей монументальной живописи, деревянных обугленных скульптур и рельефов и глиняных рельефов при полевых раскопочных работах и в лабораторных условиях. При этом, если обработка обугленного резного дерева велась по уже разработанной в Пенджикенте методике, то реставрационные работы обгоревшей шахристанской живописи требовали разработки новой методики закрепления, снятия со стен (или стыковки выпавших со стен кусков) расписной штукатурки и последующей ее полевой и лабораторной обработки. Последняя была успешно разработана реставратором В.М.Соколовским и химиком В.П.Виноградовой, причем утраченное при пожаре связующее красочного слоя было предложено вместо ранее используемого полибутилметакрилата (ПБМА) закрепить с помощью фторсодержащего полимера Ф-42Л, который поз-

⁸ Воронина В. Л. , Негматов Н. Н. Открытие Уструшаны. – В кн.: Наука и человечество 1975. Международный ежегодник. М., "Знание", 1974, с. 49-71; П у л а т о в У. П. Чильхуджра.

волил в достаточной степени закрепить красочный слой без изменения его фактуры и тональности.⁹

Выполненные реставрационные работы позволили начать исследования шахристанской живописи с точки зрения их общей характеристики, технологии, стиля и цвета, т.е. вопросы чисто искусствоведческого порядка.¹⁰ На-

⁹ Соколовский В. М. Полевая обработка, реставрация и опыт реконструкции стенных росписей средневекового Шахристана. – В кн.: Краткие тезисы докладов к научной конференции "Консервация и реставрация памятников культуры и искусства" 21–25 января 1974 года. Л., Гос.Эрмитаж, 1974, с. 6–7; Виноградова В. П., Соколовский В. М. Подбор полимерного материала для закрепления красочного слоя росписей на обожженной лессовой штукатурке. – Там же, с. 9–10.

¹⁰ Негматов Н. Н. О живописи дворца афшинов Уструшаны (Предварительное сообщение). – СА, 1973, № 3, с. 183–202; Соколовский В. М. Стенная роспись с изображением волчицы из Шахристана (полевая обработка и реставрация). – "Изв. АН ТаджССР. Отд. обществ. наук", 1973, № 4(74), с. 16–24; Негматов Н. Н., Соколовский В. Два фрагмента стеной росписи с изображением многорукой богини из Шахристана. – СГЭ, 37. Л., 1973, с. 58–60; Соколовский В. О живописи "Малого" зала дворцового комплекса городища Калаи Кахкаха I (Шахристан, Таджикская ССР). – СГЭ, 39. Л., 1974, с. 48–52.

ряду с этим начато изучение вопросов иконографии и сюжета живописи, что превращает эти памятники в ценный источник для характеристики материальной и духовной культуры Уструшаны и ее места в историко-культурных процессах Средней Азии.¹¹

Одним из крупнейших достижений археологии Таджикистана является возникновение и развитие уструшановедения – изучение истории, археологии, искусства Уструшаны, в котором большое внимание уделяется таким вопросам, как история земледелия и ирригации, градостроительства и ремесел, архитектуры и искусства, социальной и культурной жизни. Еще в конце прошлого века выдающийся востоковед В.В.Бартольд, сделав краткую сводку данных письменных источников об Уструшане и специально изучив некоторые ее археологические памятники пришел к следующему выводу: "Исследование древностей этой области, менее всего затронутой арабскими элементами, вероятно, доставило бы нам драгоценные сведения об арчйской (т.е. местной. – Н.Н.) культуре Туркеста-

¹¹ Негматов Н. Н. Эмблема Рима в живописи Уструшаны. – "Изв. АН ТаджССР. Отд. обществ. наук", 1968, № 2(52), с. 21–32; Он же. Эмблема Рима в живописи Уструшаны и древневосточная мифологическая традиция. – "Изв. АН ТаджССР. Отд. обществ. наук", 1973, № 1(71), с. 3–10; Он же. К вопросу о роли Востока в сложении древнеримской легендарной традиции. – "Изв. АН ТаджССР. Отд. обществ. наук", 1974, № 1(75), с. 3–10; Негматов Н. Н., Соколовский В. М. "Капитолийская волчица" в Таджикистане и легенды Евразии. – В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974. М., "Наука", 1975, с. 438–458.

на", и поэтому "...более подробное исследование Шахристана было бы крайне желательно".¹²

Впоследствии при создании ТАЭ ее основателем и первым руководителем А.Ю.Якубовским исследованиям Уструшаны придавалось важное значение. Как видно, высказывания В.В.Бартольда и ожидания А.Ю.Якубовского оказались пророческими. Теперь Уструшану и ее столицу Бунджикат мы смело включаем в разряд самых высокоразвитых культурных областей и городов средневекового Востока. Эта развитая среднеазиатская историко-культурная область выработала систему своего горного земледелия со специфичной для нее системой искусственного орошения, имела развитую городскую жизнь и ремесленное производство. Особенно ощутимо выявляется архитектура, искусство и в целом художественная и духовная культура Уструшаны. Здесь чувствуется наличие сильной местной струи развития, синтез тех или иных элементов культуры соседних и более отдаленных областей и стран. Не менее важным достижением является подготовка группы специалистов – уструшановедов.

Проблемы и темы археологии Северного Таджикистана этим не исчерпываются. Проведены историко-археологическое исследование позднесредневековых крепостей, которые дали ценные материалы не только по истории таджикского крепостного зодчества, но и по военной фортификации в целом (С.Ш.Марафиев). В настоящее время

¹² См.: Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893–1894 гг. – "Зап. Имп. АН по историко-филол. отд." Спб., 1897, т. 1, № 4, с. 75–76; Он же. Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии. – "Среднеазиатский вестник", 1896, июнь, с. 32.

завершается широкое историко-археологическое и архитектурное изучение мадраса Северного Таджикистана (А.К.Мирбабаев), ведется археологическое (посредством закладки шурфов) изучение позднесредневековой топографии городов Ходжента, Ура-Тюбе, Канибадама и Исфары (Н.Н.Негматов, С.Ш.Марафиев и др.).

Рост и важность проблематики северотаджикистанской археологии, имеющиеся достижения и подготовленные кадры исследователей позволили на базе Северо-Таджикистанского отряда в 1974 г. создать Северо-Таджикистанскую археологическую комплексную экспедицию (СТАКЭ) Института истории им.А.Дониша АН Таджикской ССР. Ныне разработан перспективный план исследований СТАКЭ на 1976-1995 гг.

В этот период будет завершено разведочное изучение памятников и издана капитальная работа "Археологические памятники Ленинабадской области" - свод сведений о всех обнаруженных памятниках с текстовым и графическим материалами. Будет завершено шурфовочное изучение ныне функционирующих городов Ленинабада, Ура-Тюбе, Канибадама и Исфары и подготовлены к публикации историко-археологические очерки-монографии по истории и культуре этих городов. Будут завершены раскопки Калаи Кахкаха I - шахристана столицы Уструшаны города Бунджиката (в районе совр. пос. Шахристан) и начаты раскопки на Калаи Кахкаха III - рабаде г.Бунджиката. Будут продолжены исследования двух античных городов под современными городами Ленинабад и Ура-Тюбе (городище Мугтепа) и могильников Дашти Ашт, начаты исследования группы памятников присырдарьинской и восточной Уструшаны, горного Млака (Кармазарские горы), специальные работы по истории горного дела и военной фортификации Уструшаны. Будут завершены и изданы монографии по археологии Северо-Западной Ферганы эпох раннего железа, античности и раннего средневековья, по уже раскопаным выдающимся

памятникам района Шахристана – дворцу Калаи Кахкаха I, ансамблю Чилдухтарон и горному селению Хоняйлов.

Таким образом, основные силы археологов сектора истории культуры будут направлены на исследование важных объектов археологии Северного Таджикистана, на завершение и издание результатов начатых в предыдущий период многолетних исследований. Особое внимание будет уделено памятникам районов нового сельскохозяйственного (ирригационного) и промышленного освоения по хозяйственной тематике (по мере их возникновения в качестве внеочередных работ).

x x
x

Остановимся на результатах полевых работ 1974 г.

СТАКЭ (начальник Н.Н.Негматов) в 1974 г. проводила полевые исследования в составе Аштского хозяйственного (начальник Е.Д.Салтовская), Шахристанского (начальник Р.З.Авзалов), Ура-Тюбинского (начальник А.К. Мирбабаев) и Горного археолого-топографического (начальник А.И.Билалов) отрядов на ряде памятников Ленинabadской области, охватывающих большой исторический период – от эпохи бронзы до позднего средневековья.¹³

¹³ В полевых работах СТАКЭ приняли участие (кроме начальников отрядов) старшие научные сотрудники С.Ш.Марафиев, Ў.П.Пулатов и Э.В.Кильчевская, младший научный сотрудник П.Т.Самойлик, художник Б.Наимов, старшие лаборанты Е.А.Штондина, Д.Хамидов, А.Юсупов, З.Малаева, М.Орифова, С.Махкамов, С.Джурабаева, шоферы А.Абрамов, З.Емагулов и В.Петров.

В Шахристанской котловине, в районе уже известных и изучаемых многие годы развалин средневековой столицы Уструшаны г. Бунджиката, впервые была обнаружена и почти полностью раскопана стоянка эпохи бронзы (начальник объекта П.Т.Самойлик). Под стоянку использована верхняя площадка естественного лёссового всхолмления Чоршохатепа, расположенного у края первой невысокой террасы Шахристансая, в 2,5 км к С-В от пос. Шахристан.

На вскрытой площади зачищены одна большая яма (№ 19) округлой формы (длина 3 м, ширина 2,2 м, глубина 0,4 м) и 20 мелких ям круглой и овальной форм. Определенной системы в расположении ям выявить невозможно. На уровне пола площадки и в ямах обнаружено значительное количество керамики, костей животных, зернотерок, один бронзовый серповидный нож (яма № 10), а в заполнении ямы № 17 отпечатки зерен проса. Обнаруженная керамика делится на четкие группы – тарную (обломки хумча, сосудов типа тагора), кухонную (котлы, горшки) и столовую (чаши, чашечки, большие миски). Горшки имеют широкие сливы у венчиков. На плечике одного сосуда оттиски гребенчатого штампа, которые объединены в обоймы и расположены под углом друг к другу, образуя зигзаги. По наружной поверхности одной чаши еще до обжига нанесена красным красителем роспись в виде полностью залитых треугольников.

Видимо, большая яма выполняла функции жилища, а малые – имели хозяйственное назначение. Следует отметить, что полученный керамический материал по своему разнообразию и большому количеству археологически целых форм несколько превосходит имеющийся материал с ближайшего навеса Актанги, в одноименном горном ущелье северного склона Туркестанского хребта, Чоршохатепинскую стоянку ориентировочно можно отнести ко второй половине II тыс. до н.э. Подробное изучение материала еще более прояснит раннюю историю обитателей Шахристанской котловины.

В Аштском районе были продолжены раскопки могильника Дашти Ашт, занимающего территорию предгорной песчано-каменистой пустыни, расположенной справа от дороги Ленинабад-Ашт, вдоль южных предгорий Кураминско-Карамазарского хребта (начальник Е.Д.Салтовская). Раскопано 25 курганов с каменно-щебенчатой насыпью и выявлены интересные конструкции каменных могильных сооружений типа "ящиков" подпрямоугольной или овальной формы. Часть из них оказались пустыми, т.е. "кенотафами". В остальных рядом с остатками скелетов очень плохой сохранности, обращенных на З, ЮЗ, СЗ и реже на СВ, был найден сопровождающий погребальный инвентарь: вместе с лепными округлодонными полусферической формы мисками и чашами с гладко заглаженной поверхностью и росписями, характерными для погребений эпохи раннего железа Центральной Ферганы, встречены фрагменты и целые сосуды типа горшков из грубого черно-серого теста с кальциевой примесью, орнаментированные неглубокими резными полосами в виде "ёлки" и отрезками линий гребенчатого штампа, близкие по форме и технике нанесения орнамента керамике из Даханинского и Вуадильского могильников УШ-УП вв. до н.э.

Хронологически следующим объектом работ экспедиции было городище Мугтепа в г.Ура-Тюбе, где продолжались раскопки объекта УШ в северо-западном углу (начальник объекта П.Т.Самойлик). Здесь выявлены остатки фортификационных сооружений позднеантичного и раннесредневекового периодов. Ранний из них представлен отрезком внешней части кирпичной стены с щелевидными бойницами, расположенными в шахматном порядке. У этой стены, на полу последнего периода функционирования стены обнаружены два целых хума (один изготовлен: на гончарном круте), венчик глиняного котла темно-серого цвета с включениями известняка в тесте, а также обломок мисочки и бокальчик с

изломанным бортиком, покрытые коричневым ангобом. Ко второму периоду относится большой участок остатков городской стены, сложенной из крупных пахсовых блоков. Судя по керамическому материалу, стена эта была возведена в У-У1 вв. н.э. и функционировала до УП-УШ вв. Вдоль нее расчищена часть глинобитной лестницы, по которой, видимо, поднимались на ее гребень. У внутренней поверхности стен частично вскрыты три помещения. Из находок наиболее интересны лепная чашечка-курильница на трех ножках, покрытая красным ангобом, железный трехгранный наконечник стрелы, миниатюрный бронзовый колокольчик и керамический идольчик, спрятанные при производстве ремонта под стену одного из помещений. Идольчик (рис. 1) из красной глины, выполнен в виде человеческой головы с удлиненной скошенной лобной частью, рельефно выраженными бровями и носом, углубленными ртом и глазами, с ушными отверстиями для украшений. Лицевая поверхность покрыта тонким слоем ганча, а отдельные детали (рот) подчеркнуты красной краской. По облику мугтепинский идольчик близок больше фигуркам из усадьбы Кайрагач,¹⁴ нежели идольчику из Ворухского могильника.¹⁵

Начатые в 1974 г. полевые исследования в районе селения Куркат Науского района сразу же дали неожи-

¹⁴ Брыкина Г. А. Раскопки усадьбы Кайрагач. — В кн.: Археологические открытия 1970 г. М., "Наука", 1971, с. 448-449; Брыкина Г. А., Мартынова И. Н. Раскопки усадьбы Кайрагач. — В кн.: Археологические открытия 1971 г. М., "Наука", 1972, с. 550.

¹⁵ Давидович Е. А., Литвинский Б. А. Археологический очерк Исфаринского района, с. 51-62.

Рис. 1. Мугтепа. Объект УШ. Керамический фрагмент

данные результаты (начальник объекта А.Мирбабаев). Здесь от учеников местной средней школы им.К.Маркса Бахрама Атабаева и Рахмата Нурматова было получено сообщение о наличии на горе Ширин места человеческих захоронений. При осмотре оказалось, что останки находились в специально вырубленном на крутом восточном склоне кряжа скальном склепе в 300 м к югу от известного городища Ширин, в 55–60 м выше подножия горы, на 13 м выше древнего канала, проходящего по ее склону.

Полная расчистка склепа 1 показала, что он искусственно вырублен в виде пещеры в геологической породе, именуемой местным населением "кыр" (вид твердой глинистой породы). Фасадом склеп обращен на ЮВ, азимут осевой линии 130°, ширина его 3,7 м, длина 6,25 м, высота 2,14 м. Часть свода со стороны входа разрушена. Пол гладкий, ровный, со следами обмазки в отдельных местах. Склеп был заполнен продувным песком и пылью. Входная часть склепа была "расчищена" местными людьми, черепа и кости выброшены, а находки унесены. Оставшаяся часть склепа была расчищена нами.

Всего в склепе 1 оказалось 58 человеческих черепов. Часть останков, расположенных у входа в склеп, сильно испорчена дождевыми потоками и снеговыми наносами. Расположение, ориентация, положение черепов, а также костей – хаотичны. Какую-либо общность между определенными черепами и частями скелета выявить не удалось. Не выявлено целостных скелетов. Большинство черепов без нижней челюсти и в то же время много нижних челюстей, лежащих обособленно.

В 10,5 м севернее вскрыт склеп II, также вырубленный в скале. Он несколько больше по размерам: ширина 3,75 м, длина 7,52 м, высота 2,2 м. Уровень пола на 1,2 м ниже, чем в склепе I. Вдоль западной стены прорублена суфа шириной 1,45 м и высотой 1,25 м. В северной стене, на высоте 1,25 м от пола имеется про-

ем шириной 2 м и высотой около 0,8 м. Свод склепа, из-за сильной крутизны ската, наполовину разрушен, и упавшие глыбы перекрывали его вход.

Склеп II также был заполнен надувным песком, смылами породы и упавшими глыбами. Примерно нижняя треть заполнения включала захоронения, расположенные в два горизонтальных яруса. В верхнем ярусе зачищено 43 черепа и лишь один более или менее целостный скелет, у которого сохранились части верхней и нижней конечностей, хребта, грудной клетки, левая тазовая кость и кости стопы правой ноги. В нижнем ярусе расчищено 99 черепов. Все черепа обоих ярусов, находившиеся у входа, раздавлены глыбами. Вынуто также огромное количество хаотично расположенных костей захороненных. В верхнем ярусе у северной стены в 20 см выше пола найдены обломки сильно стертой не поддающейся определению монеты и обломки узкогорлого сосуда, а у суфы впритык к черепу № 1 — фрагмент оссуария.

По предварительным визуальным наблюдениям антрополога Т.П.Кияткиной в полученной краниологической серии большой процент искусственно деформированных черепов. Деформация круговая. Серия в расовом отношении смешанная.

В обоих склепах найдено огромное количество вещественных находок (рис. 2). В их числе: великолепные бронзовые серьги с корпусом в виде сердечек (3 шт.), полумесяца (1 шт.) и замочка (1 шт.) и со стеклянными вставками с лицевой стороны корпуса; оригинальные бронзовые и медные подвески, внутри полые, шаровидной формы на маленьких петельках (8 шт.); разной величины бронзовые подвески колоколовидной формы (6 шт.); бронзовые серьги — подвески следующей формы: а) верхнего колечка и нижних массивных шаровидных частей (3 шт.); б) верхнего колечка и нижнего стержня с двумя перехваченными "обвязками" (1 шт.); в) системы

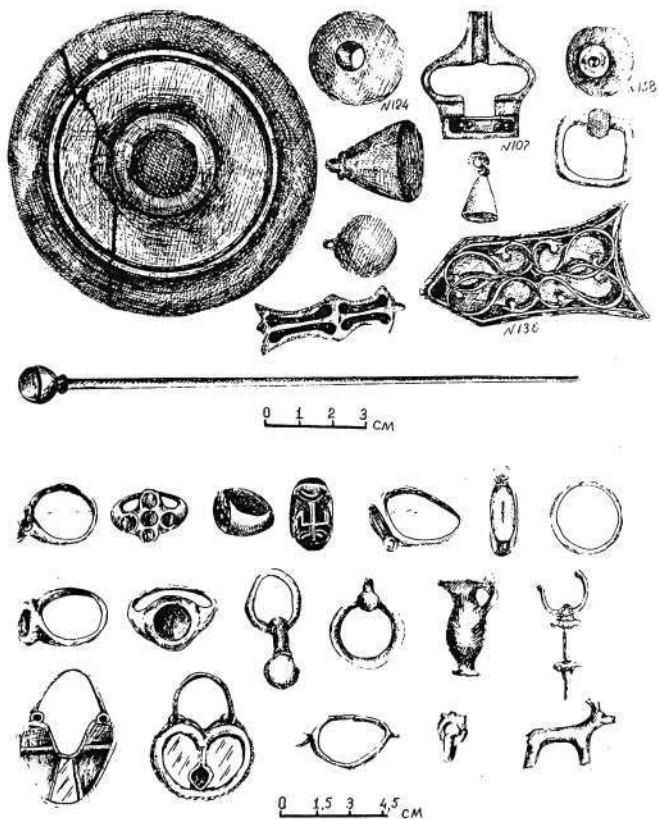

Рис. 2. Куржат. Склепы I и II. Металлические изделия

тонкопроволочных колечек (1 шт.), г) серьги в виде простых проволочных колечек (2 шт.); одна бронзовая миниатюрная подвеска из довольно массивного кольца и петельки. Обнаружено 6 перстней, в том числе хорошей сохранности миниатюрный перстень-печать, два перстня совершенных форм с "глазками" для драгоценных вставок, два перстня из проволочных колечек, перстень из массивного проволочного кольца с уплощенной верхней частью и "шишечкой". Есть обломки нескольких проволочных браслетов.

Получена великолепная серия бронзовых булавок для женских причесок. Они выполнены в виде длинных прямых стержней с гладко заостренным концом и с насаженным навершием — украшением на другом конце. Навершия шаровидные, спаянные из двух половинок, а в одном случае выполнено в виде миндаля сужающегося к стержню с округлым и треугольным "глазками" для вставок. На одну из булавок вместо металлического навершия насажена каменная бусина.

Среди остальных металлических находок особенно интересны: а) бронзовое зеркало с большим припаянным внутри полым налетом-ручкой, заполненным какой-то твердой массой; б) замечательная по конструкции и орнаменту бронзовая ручка небольшого кинжала (ножа), одна лицевая сторона которой внутри невысоких бортиков заполнена "каркасом" из металлической растительной вязи, видимо, залитого в древности какими-то затвердевшими массами; в) очень реалистично выполненная литая миниатюрная бронзовая фигурка горного козла (или архара).

Кроме того, имеются бронзовые мелкие и крупные массивные бусы, пряжки, тонкие пластинки, принадлежавшие деталям одежды, обломки железных кинжалов и ножей.

В обоих склепах обнаружено около 850 шт. бус и амулетов, самых разнообразных по размерам и формам,

материалу и технике выделки, цветовой гамме и орнаментации (рис. 3). Среди них есть бусы и амулеты, сделанные из простых речных галек, полудрагоценных и драгоценных камней, из стекла и пасты, пробкового дерева и морских раковин.

Имеется около десятка великолепных образцов расписных и инкрустированных бус. Особо отметим крупную бусину-амулет из черного камня с выгравированным изображением горного козла, плоскую бусину-амулет из темно-синей пасты со штампованным на одной выпуклой поверхности изображением человеческой головы, бусину из белой пасты со штампованным изображением лягушки.

Перечень находок завершает серия каменных космометических палочек.

Можно предположить, что таких склепов будет целая серия.¹⁶ Обнаруженные куркатские склепы по своему типу, местонахождению, обилию краниологического материала и превосходных предметов украшений — уникальны в Средней Азии.

Предметы украшений — серьги, перстни, кольца, значительную часть бус с изобразительным сюжетом в основном ориентировочно следует отнести к III—УП вв. н.э. К этому же времени относятся и случайные керамические находки, происходящие из близлежащих хлопковых полей, окружающих упомянутое городище Ширин.

В нескольких километрах к северу, на берегу Сыр-дарьи, уже изучались В.Ф.Гайдукевичем два равнинных некрополя и городище Мунчактепа с остатками ювелирного производства того же периода.

¹⁶ Еще один склеп находится в той же скале, почти у самого городища Ширин, где, по словам местных жителей, также находили человеческие кости. Размеры склепа: ширина 3,5 м, высота 2,45 м, длина 7,15 м. Ныне склеп пустой, останков не имеет.

Таким образом, в районе Курката намечается перспектива открытия одного из густо обжитых и высоко-развитых районов античной Уструшаны.¹⁷

В Пролетарском районе (начальник объекта Е.Д. Салтовская) на северо-восточной окраине селения Дигмай на берегу Сырдарьи были раскопаны два кургана из состава небольшого курганного могильника. Они имеют полусферической формы земляную насыпь с включением большого количества крупной гальки. Грунтовые могильные ямы овальной формы, неглубокие (от 10 до 30 см).

В обеих ямах расчищены скелеты плохой сохранности, ориентированные головой на запад. Отсутствие находок затрудняет датировку погребенных.

На поселении Дунгчатепа после снятия верхнего ранее изученного здания была частично выявлена планировка нижележащего строительного горизонта и вскрыто несколько жилых и хозяйственных помещений. Полученный керамический материал – красноангобированные закраины мисок, кувшинчиков, фрагменты и почти целые темноангобированные кружки с расписным орнаментом и зооморфными ручками – позволяет датировать раскапываемый комплекс ориентировочно временем Каунчи II (1У–У вв. н.э.).

Раскопочные работы продолжались на городище Калаи Кахкаха 1 – шахристане столицы Уструшаны г.Бунджиката. Здесь на объекте Ш вскрыты очередная секция, состоящая из длинного помещения размером 9,8х2,3 м, разделенная поперечными стенками на три комнаты с керамическими находками, фигурными обожженными кирпичами и пятью монетами. На большом раскопанном участке объекта У, крупного общественного

¹⁷ Белогорский А. Сокровища горных склепов. – "Социалистическая индустрия", 1974, 3 октября; Находки археологов. – "Вечерний Душанбе", 1974, 21 октября.

комплекса в центре городища, особенно интересны помещения № 13 и № 15. Первое из них (размер 7,9х3,9 м) вдоль южной стены имеет своеобразную длинную суфу, переходящую из обычной глинобитной вымостки (в западной половине) в ступенчатое пирамидообразное прямоугольное в основании сооружение (в восточной части помещения). Второе помещение (размер 5,45х4,15 м) снабжено входным тамбуром, выделенным глинобитной стенкой-ширмой, у ЮЗ угла имеет очажное углубление, в полу западной части другое прямоугольное углубление (2х1,4 м), а в восточной половине помещения четырехступенчатый подъем ведет к возвышенной площадке. На последней сделано прямоугольное углубление размером 2х1,4 м. На стенке ступеньки и на поверхности площадки зафиксированы остатки живописи. Оба помещения нежилые, скорее всего, выполняли какие-то общественные функции, что, видимо, уточнится после завершения раскопок всего комплекса.

Были продолжены также раскопки раннесредневекового замка Тоштемиртепа в западной части Шахристанской котловины (начальник объекта У.П.Пулатов) и изучение территории города Ура-Тюбе. Шурфы № 21-26, заложенные в разных частях города, дополняют материалы предыдущих лет по средневековой и поздней топографии (начальники объектов С.Ш.Марафиев, А.К.Мирбабаев). Были продолжены разведочная фиксация, съемки планов и шурфовка ряда памятников Ганчинского района: замок Калаи Муг в с.Аучи, городище в с.Кичик Амбаргаз, группы тепа в районах селений Амбаргаз, Муджун, Итарчи, Чорбог (руководитель А.И.Билалов).

В целом работами СТАКЭ в 1974 г. добыт большой археологический материал по культуре Уструшаны и Западной Ферганы. Особенно важным было открытие впервые в Шахристанской котловине поселения эпохи бронзы, выявление группы курганов могильника Дашти Ашт эпохи поздней бронзы и раннего железа и вскрытие уни-

кальных по своему типу, местонахождению, обилию кра-
ниологического материала и предметов украшений скаль-
ных склепов у селения Куркат.